

- ²⁹⁸ ИТУАК. Вып.26. Отд. III. С.72-73.
- ²⁹⁹ *Норцов А.Н.* Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства // ИТУАК. Вып.47.
- ³⁰⁰ ИТУАК. Вып.50, ч.2. С.27-47.
- ³⁰¹ ИТУАК. Вып.52, ч.1. С.39-42.
- ³⁰² ИТУАК. Вып.54, ч.1. С.49-53; Вып.51, ч.2. С.85-86.
- ³⁰³ Там же. С.53-54.
- ³⁰⁴ ИТУАК. Вып.45. С.13,30.
- ³⁰⁵ ИТУАК. Вып.54. С.103.
- ³⁰⁶ ИТУАК. Вып.56. С.30.
- ³⁰⁷ ИТУАК. Вып.54. С.88.
- ³⁰⁸ ИТУАК. Вып.56. С.72.
- ³⁰⁹ ИТУАК. Вып.8. Прил.2. С.15-45.
- ³¹⁰ ИТУАК. Вып.14. Прил.4. С.66-84.
- ³¹¹ ИТУАК. Вып.18. Прил.2. С. 67-86; Вып.33. С.121-139.
- ³¹² *Розанов М.Г.* Персидское посольство в России 1829 г. (по бумагам графа П.П.Сухтелен) // РА. 1889. № 1. С.240-260.
- ³¹³ *Николев И.Н.* Материалы, относящиеся к истории Тамбовского края по документам Московского архива министерства юстиции. Тамбов, 1884. Вып.1. Город Тамбов и его уезд.
- ³¹⁴ *Токмаков И.Ф.* Сборник материалов для истории и археологии по Тамбовской губернии по документам Московского Главного архива министерства иностранных дел. Тамбов, 1886.
- ³¹⁵ *Пискарев П.И.* Мамонтова пустынь Тамбовской губернии. Тамбов, 1887.
- ³¹⁶ *Пискарев П.И.* Писцовая книга новых сел Верхоценской волости Тамбовского уезда. Тамбов, 1888.
- ³¹⁷ *Холмогоровы В. и Г.* Материалы для истории, статистики и археологии города Темникова и его уезда XVII и XVIII столетия: (Темниковская десятина). Тамбов, 1890.
- ³¹⁸ Тамбовская губерния в 1812-1813 гг. // ИТУАК. Вып.56, ч.1. С.120-324.
- ³¹⁹ Древний Тамбовский Летописец // ИТУАК. Вып.58. С.141-170.
- ³²⁰ Авторы примечаний к переизданным «Очеркам из истории Тамбовского края» И.И.Дубасова утверждают, что подлинный список летописи обнаружил С.А.Березнеговский, а не Д.Вязлинский. Текст был напечатан в 1881 г. в «Тамбовских губернских ведомостях», а затем переиздан в 58-м выпуске ИТУАК (См.: *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. С.423). Однако в действительности комиссией была опубликована другая редакция, ибо в примечаниях к источнику указываются разночтения со списком С.А.Березнеговского.
- ³²¹ Бытность архиереев Тамбовских // ИТУАК. Вып.3. С.27-30.
- ³²² Там же.
- ³²³ ИТУАК. Вып.5. С.14-19.
- ³²⁴ ИТУАК. Вып.8. С.15-45.
- ³²⁵ ИТУАК. Вып.52, ч.1. С.119-124.
- ³²⁶ Там же. С. IX.
- ³²⁷ ИТУАК. Вып.57, ч.1. С.98-119.
- ³²⁸ ИТУАК. Вып.24. Прил.5. С.61-65.
- ³²⁹ *Бржостовская Н.В.* Деятельность губернских ученых архивных комиссий в области архивного дела (1884-1917): Автореферат... С.11.
- ³³⁰ См.: *Добрушкин Е.М.* Основы археографии. М., 1982. С.117.
- ³³¹ В 1909 г., по свидетельству отчета комиссии, ее архив насчитывал пять тысяч разобранных дел XV-XIX вв., в 1914 указывалось такое же количество.

Глава III

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ТАМБОВСКОГО КРАЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ КОМИССИИ

1. Историко-теоретические представления деятелей комиссии

С момента создания губернских ученых архивных комиссий их деятельность в полном соответствии с названием этих научно-исторических обществ протекала в двух основных направлениях. Причем, как это уже отмечалось в литературе, в отличие от исследователей их истории, обращавших главное внимание на слово «архивная», сами сотрудники комиссий переносили акцент на определение «ученая».¹ Признавая важность работы по спасению провинциальных фондов и созданию губернских исторических архивов, деятели ГУАК тем не менее полагали своей основной задачей научно-исследовательскую разработку вопросов истории регионов. Тамбовская комиссия не являлась исключением в этом ряду. «Наш долг, — подчеркивал А.Н.Норцов, — всегда оставаться «ученой комиссией», посвящать время наших заседаний исключительно научно-историческим вопросам».²

Основная заслуга в организации работ ГУАК по изучению краевой истории принадлежала И.И.Дубасову. С первых дней существования комиссии он призвал коллег не ограничиваться собирательской работой, но насколько возможно полно исследовать историческое прошлое Тамбовщины.³ Председатель не только сам выступал на собраниях с научными докладами и сообщениями, но и стремился привлечь к подобному рода деятельности возможно большее число своих сотрудников, призывая «во имя научного братства» разделить с ним исследовательскую работу. Во многих случаях заслушиваемые на заседаниях доклады не носили строго научного характера. Иногда это был просто пересказ фактов, почерпнутых из материалов архива комиссии. В этой связи Дубасов отмечал, что «задачей прочтенных в общих собраниях рефератов было не научно-практическое обследование документов, а указание на те вопросы местной истории и быта, по которым исторический архив предлагает богатый материал».⁴ Подобным очеркам предназначалась роль подготовительного

этапа в разработке отдельных вопросов местной истории, с тем чтобы облегчить труд последующих исследователей. Большая часть докладов публиковалась на страницах «Известий» ТУАК. Взгляд некоторых архивистов на печатный орган комиссии как на средство обнародования описей и документов исторического архива вызывал решительные возражения Дубасова. Это означало для него превращение научной работы в «канцелярскую». «Полагаю, — подчеркивал он, — что канцеляристов всегда было у нас слишком много и без того... Пусть будет у нас и то, и другое, и описи, и рефераты, но в единении цели».⁵ Основную же цель деятельности комиссии ее первый председатель видел во всестороннем изучении и правдивом изображении народной жизни российской глубинки. Становлению интереса деятелей ТУАК к проблемам уклада народного быта способствовал взгляд Дубасова на провинцию как основу народной жизни. «Ждет научного исследования, — писал он, — безграничная провинция, составляющая сущность народной жизни и всячески питающая всероссийское отечество».⁶ Подобные взгляды сближали тамбовских историков со многими видными деятелями ТУАК, к примеру, с нижегородцами А.С.Гацисским и В.Г.Короленко, последовательными сторонниками развития областной самодеятельности. Выдвигая в противовес традиционным взглядам о ведущей роли центра идею «областности», провинциальные историки опирались на концепцию А.П.Щапова, полагавшего, что русская история — это по преимуществу история областей, «разнообразных ассоциаций провинциальных масс народа».⁷ Подобные представления были не случайны, так как в условиях реакции 1880-х гг. для многих из них областничество являлось своего рода оппозицией центростремительным усилиям самодержавия.⁸

Безусловный интерес представляют взгляды деятелей ТУАК на историю в ее двояком значении — как процесс исторического развития общества и как науку, изучающую этот процесс. Известные трудности при их оценке создает то обстоятельство, что провинциальные историки, занятые рутинной кропотливой работой по выявлению отдельных исторических фактов, не особенно заботились о систематическом, последовательном изложении своих представлений о ходе исторического процесса и о предмете исторической науки. Тем не менее при анализе фрагментов их выступлений, статей и рефератов складывается общая картина понимания ими задач истории как науки и философии истории в целом. Исходя из убеждения в непрерывности исторического процесса, основную цель исторического познания деятели ТУАК видели в выявлении связи прошлого, настоящего и будущего как составных частей единого целого. «Старина имеет самую тесную связь с настоящим, — говорил в своей речи на заседании 8 марта 1889 г. И.И.Дубасов. — Из прошлого вытесняются факты, цели и задачи современного быта и будущего. Изучение старины не есть отчуждение от текущих событий и интересов... Напротив, в ней то и заключаются фактические данные, освещающие все современное».⁹ Из этого убеждения вытекало определение задач историка как наиболее полное выявление связей между прошлым и будущим, их причинных отношений и значения того или иного события как отдельного момента в непрерывном движении.

Признание объективной связи прошлого и настоящего давало провинциальным исследователям повод для прагматического подхода к истории как процессу познания. Понимание ими задач исторической науки находилось в рамках традиции, берущей в отечественной историографии начало от Н.М.Карамзина с его «утешительной системой» и убежденностью в поучительном назначении истории. Так, И.И.Дубасов настаивал на важности исследования отжившего быта не только в целях развития исторических знаний, но и «в интересах совершающейся практической жизни». В сопоставлении различных исторических эпох он искал возможности для обобщений и выводов прежде всего нравственно-назидательного характера. Говоря о цели своего исследования, он подчеркивал: «<...> мы лично в данном случае будем утешаться сопоставлением прошлого с настоящим. Кроме того, в отрицательных явлениях нашей старины мы будем видеть нравственные уроки для современных наших поколений».¹⁰ Взгляды председателя в значительной степени разделяли его сотрудники. П.А.Дьяконов, например, обратился в отмеченном неурожаем 1891 г. к изучению невзгод края 1774 г., когда события эпохи пугачевского восстания были усугублены стихийными бедствиями и голодом. При этом он ставил перед собой задачу путем исторического анализа извлечь из этого тяжелого для края периода «успокоительные мотивы и поучительные черты».¹¹ В.М.Аносов полагал, что история — это «наука жизни», дающая уроки не только государственным и общественным деятелям, но и любому простому человеку, «способному поддаться историческим примерам».¹²

Большое значение тамбовские историки придавали достижению объективности исторического исследования. И.И.Дубасов на основе многочисленных архивных источников скрупулезно воссоздавал негативные черты прошлой тамбовской общественной жизни, немало рискуя навлечь на себя обвинения в антипатриотизме. Свою позицию на этот счет он заявлял вполне определенно: «У нас нередко выражают любовь к отечеству преувеличенными к нему похвалами, причем намеренно умалчивают о таких фактах отечественной жизни, которые, понятно, всякому у нас нежелательны. Таким образом, происходит лицемерная и фарисейская подтасовка фактов, а в результате получается фальсификация, т.е. непростительное преступление против науки».¹³ Впрочем, подобная, вне всякого сомнения заслуживающая уважения, позиция не являлась неуязвимой, ибо анализ трудов Дубасова показывает, что ратуя за адекватное изображение исторической действительности, он порой попадал в чисто позитивистскую, зачастую рабскую зависимость от источников, односторонность которых при недостаточно критическом подходе могла повлечь за собой ее искажение.

В своих взглядах на исторический процесс деятели комиссии исходили из понимания его как последовательной, причинно обусловленной цепи событий и явлений. В одной из своих речей И.И.Дубасов сказал: «Жизнь не есть беспорядочная и случайная последовательность фактов. Жизнь отдельных лиц и целых народов есть строгая постепенность явлений, находящихся в обязательной причинной связи между собою».¹⁴ Для

того чтобы познать смысл этой жизни, нужно иметь, по словам историка, широкий взгляд на мир и не стесняться себя «узким районом повседневной житейской сутолоки». Из всех факторов развития истории деятелей комиссии более всего волновал вопрос о личности и социальной общности как ее субъектах. При этом взгляды многих из них находились в русле земско-областной теории. Так же, как А.П.Шапов, полагавший, что «в истории главный фактор есть сам народ, дух народный, творящий историю, что сущность и содержание истории есть жизнь народная»,¹⁵ они видели смысл исторического исследования в изучении деятельности народных масс, опыта их повседневной, бытовой жизни. Не случайно в трудах провинциальных историков наиболее отражение нашли именно те проблемы, которые были предложены в свое время Шаповым как первостепенный предмет исторического исследования: областная колонизация, местный быт различных сословий, их взаимоотношения, состояние народного образования, раскольничьи движения и их формы, поземельное устройство. Рассматривая исторический процесс как результат жизнедеятельности народных масс, а не продукт творчества одних лишь выдающихся деятелей, Дубасов призывал своих сотрудников изображать не биографии знаменитых лиц и правителей, а «самую жизнь, внутреннюю, будничную». «Не одни герои и гении делают эту историю, — неоднократно подчеркивал он, — гораздо сильнее всех героев народная масса, мир...»¹⁶

Другой видный тамбовский историк, П.Н.Черменский, полагал, что русская история бедна характерами, и господствующая роль в ней принадлежит массе, следовательно, изучать ее нужно «суммарно, а не биографически». «Народ, — писал он, — организовавшись, делает свою историю».¹⁷ В неразрывной связи отдельных выдающихся личностей с народом видел залог эффективности их деятельности И.А.Аносов. В своем выступлении на заседании комиссии 12 января 1911 г. он заявил, что утверждение о том, будто историю делают отдельные личности, справедливо только до тех пор, пока они «не порвали с национальностью, с народностью».¹⁸ Стремление к показу глубинной народной жизни, вызванное подобным взглядом на движущие силы исторического процесса, было характерно для большинства ГУАК. Так, деятели Саратовской комиссии предъявляли упрек официальной науке за преувеличенное внимание к подвигам героев и отсутствие в исторических трудах истории народа: «Официальная, патентованная история исходит из работ патентованных ученых, и в этой истории мы видим подвиги героев, битвы, биографии выдающихся государственных деятелей, их обстановку, среди которой они жили и действовали, но почти не видим простого народа с его бытом. А ведь народ имел свою историю независимо от истории героев и их подвигов».¹⁹ Член Нижегородской комиссии В.Г.Короленко также полагал, что при исследовании прошлого нельзя довольствоваться изучением одного лишь «героического материала», и не менее важным является обнаружение «массовой подкладки событий, незаметно складывающейся из атомов жизни народа», ибо показная сторона истории зачастую составляет не причину, а следствие мелких, но значительных в совокупности первичных явлений.²⁰

Приоритетное внимание деятелей ГУАК к региональной истории не приводило их к абсолютизации роли отдельных регионов. Для членов Тамбовской комиссии было характерно стремление к диалектическому осмыслению вопросов истории края в контексте общероссийского исторического процесса. Это подчеркивалось и в рецензиях современников на книгу И.И.Дубасова, отмечавших, что в отличие от ряда провинциальных авторов ему удалось найти живую связь своего края с общегосударственной историей.²¹ Рассматривая локальные исторические события как составную часть общего хода истории страны, тамбовские историки пытались таким образом выявить закономерности общего и особенного, определить место и роль своего края в многовековой российской истории. Так, П.Н.Черменский указывал на то, что изучение прошлого Тамбовского края позволит пролить свет на многие не до конца решенные проблемы общерусского звучания, такие как вопрос о колонизации восточной Руси в домонгольский период, содержание и формы борьбы русской государственности с татаро-монгольским игмом, вопрос об исчезнувших племенах мещере и буртасах и др. Занимаясь исследованием краевой истории на событийном уровне, провинциальные историки пытались раскрыть конкретный механизм деятельности государственного начала, представить первую как своего рода иллюстрацию к последнему. «Местная история, — писал Черменский, — развертывая перед нами картину всенародной жизни, вскрывает, как действия правительства воплощались в дело, объясняет нам их причины, их результаты, их целесообразность, их ошибочность...»²² Для тамбовских исследователей был характерен еще более широкий взгляд на региональную историю: они рассматривали ее как эпизод всемирного исторического процесса. Так, следуя представлениям С.М.Соловьева, они видели в основе прошлого края борьбу двух стихий — степи и леса, кочевых племен и оседлых и усматривали в победе последних закономерность всемирно-исторического характера.

В своей научно-исследовательской работе члены Тамбовской комиссии, как, впрочем, и других ГУАК, стихийно опирались на позитивистскую теоретико-познавательную основу. В этом нашло отражение общее состояние отечественной исторической науки того времени. С.Ф.Платонов в «Лекциях по русской истории» утверждал, что оно «до сих пор таково, что иногда налагает на русского историка обязанность просто собирать факты и давать им первоначальную научную обработку. И только там, где факты уже собраны и освещены, мы можем возвыситься до некоторых исторических обобщений, можем подметить общий ход того или другого исторического процесса...»²³ В полном соответствии с подобным утверждением провинциальные историки видели свою основную задачу в накоплении источников и воссоздании на их основе возможно большего количества отдельных исторических фактов. В.Г.Короленко писал о том, что массовые явления должны изучаться только «широкими массовыми приемами», и только кропотливый труд, черная работа собирания мелких фактов бытовой и общественной жизни прошлого может дать тот материал, который позволит сделать новые широкие выводы и обобщения.²⁴ А.С.Гацисский, обосновывая методы работы краеведов, подчерки-

вал: «Отдавая должное услугам рефрактора, мы особенно любовно относимся к микроскопу... Когда к изучению народной жизни будет применен микроскоп, как в естествознании, тогда только не будем мы смешивать следствие с причинами».²⁵ Члены ТУАК в соответствии с позитивистской теорией считали, что развитие исторической науки определяется теми же общими принципами, что и естественных. Историк, в их понимании, как и представитель любой другой науки, владеет точными методами, позволяющими исключить всякое проявление субъективизма, и главный из них — это опора на отдельные, вплоть до мельчайших, исторические факты при сохранении их точности и цельности. И.А.Аносов, следуя утверждению Г.Спенсера о том, что «всюду крупные следствия произошли в силу накопления весьма ничтожных влияний», считал первостепенным освещение конкретных, индивидуальных явлений. Л.М.Савелов был убежден в том, что история складывается из отдельных мелких явлений и фактов, относящихся к разным сторонам жизни того или иного народа и только изучение этих сторон в их взаимодействии дает общее представление о жизни народа.²⁶ Таким образом, провинциальные историки всецело разделяли утверждение профессора В.С.Иконникова о том, что «чем более разрабатываются отдельные части, подробности, самые мелочи, тем более выясняется общее, угадывается целое».²⁷ Подобный подход, безусловно, имел положительную сторону — он позволил значительно расширить источниковую базу исторической науки, восстановить событийную сторону локальных исторических процессов. Однако в то же время это не могло не привести к взгляду на исторический труд как на свод элементарных фактов, к сознательному отказу от попыток обобщения накопленного материала и его осмысления на более высоком уровне. При подобном подходе история выступала как своего рода калейдоскоп, состоящий из бесконечного множества разрозненных фактов, далеко не всегда объединяемых общей концептуальной канвой. Процесс критического осмысления бесчисленного множества исторических фактов, заложенных в массе собранных ТУАК архивных материалов, значительно отставал от темпов их накопления. Именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что губернские комиссии, в том числе и Тамбовская, не создали крупных обобщающих трудов.

Более других приблизился к подобной цели И.И.Дубасов, оформивший результаты своей многолетней научной работы в виде шести выпусков «Очерков из истории Тамбовского края».²⁸ В основу его книги были положены многочисленные статьи, заметки и выступления автора, опубликованные в центральных и местных периодических изданиях. Они базировались на материалах тамбовских и московских архивов (губернского правления, дворянского собрания, духовной консистории, окружного суда, МАМЮ, МГАМИД²⁹ и др.), изучением которых Дубасов занимался с начала 1870-х гг. В своем труде тамбовский историк затронул самые разные аспекты местной истории, уделив наибольшее внимание проблемам колонизации края, истории церкви, вопросам развития просвещения, крестьянским движениям, положению отдельных социальных слоев. Из-

вестно, что Дубасов не собирался ограничиться шестью выпусками и предполагал продолжить свой труд, включив в последующие тома такие не разработанные краевой историографией темы, как история благотворительных, просветительных и научных учреждений губернии, подготовка к проведению в крае крестьянской реформы и ее реализация. К сожалению, вынужденный отъезд из Тамбова и болезнь помешали историку осуществить свои планы. Отличительной особенностью «Очерков» являлось своеобразие их построения, заключавшееся в избранном автором так называемом «концентрическом методе». Он состоял в том, что по мере появления новых исторических материалов Дубасов возвращался к уже поднимавшейся им теме и освещал ее с учетом вновь открывшихся фактов. Издержками такого метода, признаваемыми им самим, являлись неизбежные в подобном случае повторы. Однако историк считал подобный путь единственно приемлемым при условии постепенного открытия и изучения архивных источников.³⁰

Выход в свет книги тамбовского историка стал событием не только в культурной жизни губернии, но и в обеих столицах был воспринят как историографический факт немаловажного значения. С «Очерками» ознакомились многие видные представители университетско-академической исторической науки, в частности, на них ссылался М.К.Любавский в своем «Обзоре истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века». Появление в свет каждого очередного выпуска книги сопровождалось рецензиями в центральных периодических изданиях — «Историческом вестнике», «Русской старине», «Вестнике Европы», «Русском архиве», «Русской мысли», «Наблюдателе». Большинство из них приветствовало начинание провинциального историка, отмечая, что его труд представляет значительный интерес для всех любителей истории. Наиболее доброжелательные рецензии появились в журнале «Исторический вестник», постоянным автором которого И.И.Дубасов являлся на протяжении многих лет. Так, И.Белов охарактеризовал его книгу как «труд превосходный во всех отношениях, дающий близкое, как нельзя более обстоятельное знакомство с краем».³¹ Рецензент выразил пожелание, чтобы исследователи местных исторических материалов последовали примеру тамбовского историка, так как без подобных исследований, по его словам, «гибнут в наших архивах неоцененные сокровища, без которых не может идти прогрессивно и родная историческая наука».³²

Более критическую позицию заняла редакция журнала «Вестник Европы», хотя в целом труд тамбовского историка был оценен ею достаточно высоко. Так, особо было отмечено, что И.И.Дубасову, в отличие от большинства провинциальных историков, удалось найти живую связь своего края с общегосударственной историей. «Редко история провинциального захолустья, — отмечалось в рецензии, — рассказывалась у нас с такими живыми подробностями из быта разных классов народа, и рассказы не лишены серьезного исторического поучения».³³ В то же время отмечалось наличие некоторых неточностей в повествовании и выражалось недоумение по поводу слов автора о том, что провинция представляет «сущность народной жизни». Возражение редакции было вызвано

не преувеличением местным историком роли провинции в истории страны, как это поняли некоторые современные исследователи,³⁴ а констатацией того, что именно темные стороны ее истории, «ужасные и безотрадные», составляют существо народной жизни. Сам факт подобного замечания объясняется преобладанием в палитре, используемой автором для описания прошлой тамбовской жизни, красок преимущественно мрачных оттенков. Стремясь развеять возникшее недоразумение, Дубасов объяснил его неточностью употребленной им терминологии. В предисловии к третьему выпуску он был вынужден оговориться, что под словами о провинции как сущности народной жизни он имел в виду вовсе не «сущность в смысле мрачного бытования», а суть как основу, «без которой столица совершенно бессильна».³⁵

В рецензиях на книгу тамбовского историка имели место и гораздо более жесткие упреки. Так, журнал «Наблюдатель» обвинил автора в излишнем внимании к негативным фактам крепостнической действительности и умолчании положительных сторон жизни края, в отсутствии системы в изложении, размытости структуры работы.³⁶ Редакция журнала «Русская мысль» упрекала историка в неточности и неполноте изложения отдельных фактов, в разное при описании одних и тех же событий в журнальном и книжном вариантах. «Вообще отрывочность, неполнота и случайность исследования г. Дубасова, — отмечалось в рецензии, — много портят рассматриваемую книгу и лишают ее того значения, которое хотел придать ей автор, и которую вправе желать люди, интересующиеся разработкой провинциальных архивов».³⁷ Наиболее тенденциозным характером отличались рецензии, опубликованные в периодическом издании «Свет», которое обвинило И.И.Дубасова в клевете на патриархальное прошлое, подтасовке фактов, очернении духовенства и т.д.³⁸ Подобные упреки вызвали резкий протест со стороны ученого, много раз подчеркивавшего свою приверженность принципу научной объективности. В этой связи он поставил вопрос о степени вины историка, в исследовании которого «теней оказалось больше, чем ярких красок». Данный им ответ гласил: виной тому сама историческая действительность. Опровергая обвинения в антипатриотизме, Дубасов обозначил свою гражданскую позицию следующим образом: «Неужели мы так уже обессилели и умственно, и нравственно, что правда нас может пугать? Кажется, в истории всякого народа были, есть и будут темные стороны. Так с ними бороться нужно, а не скрывать их. Хвалить в своем отечестве то, что похвалы не заслуживает, или же намеренно умалчивать о положительно несовершенных фактах, это значит не любить родины, не желать ей совершенствоваться и всецело погрузиться в самое узкое себялюбие».³⁹

Принципиальность тамбовского историка стала причиной многочисленных претензий к его труду со стороны Главного управления по делам печати, не рекомендовавшего к печати отдельные фрагменты «Очерков». Так, из 264 страниц рукописного текста IV выпуска было изъято 25 страниц, в том числе и описание бунта крестьян Новоспасского монастыря 1756 г.⁴⁰ 20 октября 1890 г. И.И.Дубасов получил уведомление Главного управления по делам печати об изъятии из продажи второго издания пер-

вого выпуска «Очерков» тиражом в 160 экземпляров. Основанием для этого решения стало обнаружение в книге «мрачных черт крепостного состояния, бросающих тень на все дворянское сословие». Дубасов в своих письмах о произошедшем инциденте сообщал, как о случае, его «глубоко взволновавшем». «Можете судить, — писал он 15 ноября 1890 г. Н.А.Попову, — что я пережил, как человек, состоящий на службе и семейный».⁴¹ 28 октября 1890 г. полиция наложила арест и на последующие выпуски, готовившиеся к переизданию. Спустя некоторое время это решение было отменено, однако при подготовке к печати шестого выпуска вновь возникли осложнения с цензурой. Для их разрешения Дубасов был вынужден обратиться к помощи редактора «Исторического вестника» С.Н.Шубинского, с которым он находился в доверительных отношениях.⁴² Однако даже редакция этого журнала, с которым тамбовский историк много и плодотворно сотрудничал, отказывала в публикации некоторых его работ, например, статьи «Скопческие тайны», признанной интересной, но «нецензурной».

Справедливость требует признать, что не все из предъявленных автору упреков были обосновательны. Присущая И.И.Дубасову в силу профессиональных педагогических навыков склонность к морализированию, своеобразный литературный стиль (еще современники отмечали — «характерной особенностью трудов Ивана Ивановича было чрезвычайно художественное изложение»⁴³) придавали его исследованию характер скорее научно-популярного, нежели строго научного труда. Это обстоятельство усугублялось отсутствием в тексте сносок на источники. Объяснения Дубасова на этот счет — нежелание помещать под каждой строчкой текста несколько строк указаний на источники из-за их многочисленности и отрывочности⁴⁴ — представляются не вполне убедительными. Все это дало повод критически настроенному П.Н.Черменскому охарактеризовать «Очерки» не более как «беллетристику по архивным данным», ценную скорее «со стороны прагматической, нежели со стороны научной».⁴⁵ Признавая определенную долю справедливости в этих словах, нельзя в то же время упускать из вида, что Дубасов играл роль первопроходца в разработке целинных пластов краевой истории. Вполне очевидно, что уже вследствие этого его труд был во многом обречен на определенные изъяны и пробелы, вполне осознаваемые самим автором.

Немаловажное значение написанию сводной истории края придавал второй председатель ТУАК — А.Н.Норцов, поставивший перед членами комиссии задачу создания систематического труда по истории Тамбовщины. Проект Норцова, предложенный им на заседании 7 июня 1900 г., включал в себя десять разделов, в которых были представлены важнейшие аспекты истории региона, начиная с древнейших времен до конца XIX в.⁴⁶ В двух первых разделах предполагалось рассмотреть географическое положение края, его природные условия, флору и фауну, а также вопрос о древнейших обитателях, воссоздав их историю, культуру, быт на основе письменных и археологических источников. В двух следующих разделах предусматривалось освещение последующей истории края, в том числе его отдельных городов (Липецка, Елатьмы, Темникова, Лебедяни,

Кадома, Шацка, Борисоглебска, Усмани, Романова, Демшинска, Сокольского, Доброго, Козлова, Орлова, Моршанска, Спасска, Кирсанова, Тамбова) в контексте общероссийской истории с доведением ее до современности. В специальном разделе должна была рассматриваться история церковного строительства в крае, а также развитие сектантского и раскольнического движения. Следующий раздел посвящался состоянию культуры и просвещения, здесь же предполагалось отразить быт и «религиозно-нравственную жизнь» населения Тамбовщины на протяжении всей его истории. Придавая важное значение изучению этнографических особенностей жителей края и местного фольклора, Норцов выделил эти проблемы в отдельный раздел. Затем следовали разделы, посвященные истории местного высшего сословия — дворянства и проблеме экономического состояния края с очерком земской деятельности в губернии. Последняя часть должна была представлять собой полный библиографический указатель по истории Тамбовского края. По мысли председателя, издание предполагалось дополнить приложениями в виде статистических таблиц, археологических и исторических карт, чертежей, гербов, портретов и фотографий, фрагментов отдельных источников, словарем дворянских родов с приведением генеалогических и геральдических данных. Распределение материала в программе во многом отражало концепцию Норцова, которую он, вслед за В.О.Ключевским, строил, исходя из множественности факторов исторического развития (политического, географического, социального, культурного, экономического). В то же время ее анализ позволяет прийти к выводу, что приоритетными для тамбовского историка являлись вопросы политической истории, в то время как социально-экономической проблематике отводилось последнее место.

В целом проект А.Н.Норцова представлял собой макет фундаментального краеведческого издания. В случае его реализации отечественная краевая историография пополнилась бы первым систематическим обобщающим научным трудом по истории одного из крупных регионов центральной полосы России. К сожалению, осуществление предложения председателя оказалось не под силу местным историкам. Изменение кадрового состава, материальные затруднения, ряд объективных обстоятельств, вызванных событиями революции 1905 г. и первой мировой войны, — все это стало препятствием на пути выполнения широкомасштабного плана Норцова по созданию коллективного труда. Однако самому председателю удалось оставить после себя объемную (1416 страниц) рукописную работу под названием «История Тамбовского края»,⁴⁷ предположительно написанную в 1915-1917 гг. Следует заметить, что ее структура значительно отличалась от предложенной ранее самим автором программы. В основу исследования на этот раз был положен хронологический принцип, а критерием выделения периодов были избраны изменения в административно-территориальном устройстве. В соответствии с этим Норцов выделил в истории Тамбовщины семь основных этапов. Два первых включают период доисторических времен до середины XIV в. и характеризуются как предстория края. Отсчет «настоящей, действительной» истории председатель

вел с момента основания в середине XVI в. первого русского города в мордовско-мещерском крае — Шацка. Именно этот город стал, по мнению автора, «связью соединения края с Москвой и, следовательно, с общей исторической жизнью Руси».⁴⁸ Начало следующего этапа Норцов связывал с переходом края из ведения Казанского приказа в состав Азовской губернии в 1708 г., а его завершение с открытием Тамбовского наместничества в 1779 г. Шестой период он начинал с реорганизации уездного деления губернии в 1803 г., а седьмой — с Крымской войны и буржуазных реформ. Прделав огромную работу по обобщению историографического материала, Норцов тем не менее не создал собственной исторической концепции развития края. Его труд, основанный главным образом на работах предшественников и отчасти на опубликованных источниках, не отличался оригинальностью и носил скорее компилятивный характер. В то же время, как наиболее полный из всех созданных в дореволюционный период сводов данных об истории края с древнейших времен до начала XX в., он безусловно заслуживает внимания. В отличие от очеркового исследования И.И.Дубасова работа Норцова стала первым последовательным, систематическим изложением истории Тамбовщины, хотя, вне всякого сомнения, значительно уступала первому в исследовательской части. Норцову принадлежит также авторство хронологического перечня важнейших исторических событий на территории края.⁴⁹ Начав их отсчет с 1198 г., с момента завоевания князем Бахметом Ширинским мещерских земель, автор довел его до 1914 г. — открытия мощей святителя Питирима в Тамбовском кафедральном соборе. В качестве основных вех тамбовской истории автор выделил основные этапы колонизации, даты основания городов, монастырей и церквей, изменения в административно-территориальном устройстве губернии и т.д.

Всего сотрудниками комиссии в «Известиях» ТУАК было опубликовано более 250 работ исследовательского характера. В целом спектр поднимавшихся в них проблем можно свести к следующим основным блокам: история заселения края; так называемая «бытовая история», под которой подразумевалось социально-экономическое и культурное развитие губернии; крестьянские движения; церковное строительство; генеалогические исследования.

2. История заселения Тамбовского края

Одно из главных мест в проблематике научно-исследовательских работ ТУАК занимали вопросы колонизации края. В этом отношении она шла в русле исследований большинства ГУАК, считавших изучение истории заселения отдельных регионов приоритетным направлением своей научной работы. Провинциальные историки вполне разделяли взгляд С.М.Соловьева на ранние этапы истории России как на многовековой колонизационный процесс, поэтому утверждение выдающегося историка о том, что «древняя русская история есть история страны, которая колонизируется»,⁵⁰ правомерно предположить в качестве эпиграфа ко многим из трудов ГУАК. Повышенный интерес к данной теме был обусловлен

стремлением найти глубинные истоки современной народной жизни, выявить роль народных масс как субъекта российского исторического процесса.

В исследовании истории заселения края деятели комиссии во многом выступали в роли первопроходцев. Хотя отдельные аспекты данной проблемы поднимались в краевой историографии, их освещение носило фрагментарный и поверхностный характер.⁵¹ Из предшественников ТУАК наиболее существенный вклад в разработку истории освоения территории Тамбовщины внесли С.А.Березнеговский, В.Х.Феокистов, Г.В.Хитров и др.⁵² Однако их работы не были свободны от недостатков и нуждались в уточнении на основе вновь открывшихся архивных материалов.

Среди членов Тамбовской комиссии тему колонизации края наиболее активно разрабатывали И.И.Дубасов, П.Н.Черменский, П.А.Дьяконов, М.Г.Розанов, Д.В.Ильченко, В.И.Конобеевский, А.Н.Норцов, Б.Г.Фиксен. Все они в большей или меньшей степени восприняли положения официальной историографии об основных движущих силах колонизационного процесса и об их соотношении. Определенное влияние на их представления о заселении «дикого поля» оказал известный труд Д.И.Багаля, основное содержание которого сам автор охарактеризовал следующим образом: «Моя история украин является в сущности историей государственного начала в его историческом развитии».⁵³ Чрезвычайно важное значение Багаля отводил роли правительства в заселении окраин Московского государства. Правительственная колонизация в его представлении выражалась в основании городов и селений, заселении их служилыми людьми, раздаче земельных угодий, организации сторожевой и станичной службы. «С полным правом, — писал Багаля, — великорусскую колонизацию степной окраины московского государства можно назвать государственной».⁵⁴ В то же время Багаля не отрицал существования вольной, народной колонизации, признавая при этом, что не смог в полной мере раскрыть этот процесс из-за отсутствия источников. Местные исследователи имели больше возможностей для изучения этого направления колонизации на основе материалов волостных и уездных архивов, в силу чего их работы в известной степени являются дополнением знаменитого труда Багаля.

В рамках вопроса о заселении тамбовских земель сотрудники ТУАК затрагивали проблему истории автохтонного населения — племен финно-угорской группы. Они придавали изучению этой проблемы немаловажное значение. Так, А.Н.Норцов в заметке «О некоторых фактах исключительно тамбовского характера»⁵⁵ подчеркивал необходимость изучения истории вымершей мешчерской народности, занимавшей в прошлом значительную часть края. К числу вопросов, которые предстояло решить в связи с этим, он относил и проблему взаимоотношений мешчеры с другими финно-угорскими народностями — мордвой, мерью, муромой.

Вопрос о происхождении мешчеры и буртасов из-за отсутствия упоминаний об этих народностях в ранних летописях порождал в науке различные гипотезы. Самые ранние сведения о мешчере относятся к XIV в. и связаны с указанием на мешчерский городок на Оке Касимов. Н.М.Карамзин считал, что под мешчерой источники имеют в виду разновидность

мордвы — племя мокшу. Ф.Ф.Чекалин отождествлял мешчеру с племенем, известным в арабских источниках под названием буртасы.⁵⁶ Он полагал, что, будучи оттесненными во второй половине XI в. в северном направлении половцами, буртасы впоследствии обрусели или отатарились и стали известны под их самоназванием «мешчера». Буртасами же их называли кочевые соседи, в том числе и хазары, от которых это название стало известно арабским путешественникам. П.Н.Милуков считал, что отождествлять буртасов и мешчеру на основании общности территории их расселения нельзя. Он также подвергал сомнению версию об их тюркоязычном происхождении. В буртасах историк видел одно из выделившихся мордовских племен.⁵⁷ Большинство исследователей считали буртасов предками мордвы-мокши. Тамбовский историк С.А.Березнеговский был убежден, что мешчера, слившись с мордвой, оставила следы в виде эрзянского наречия. Деятели ТУАК — И.И.Дубасов, А.Н.Норцов и П.Н.Черменский — придерживались наиболее распространенной точки зрения о принадлежности мешчеры к финно-угорской группе.⁵⁸

И.И.Дубасов в своих работах определил территорию расселения мешчеры и пути ее продвижения на северо-восток в связи с началом русской колонизации.⁵⁹ Исследуя проблему взаимоотношений русского и автохтонного населения, он делал акцент на мирных способах ассимиляции последнего. «Русский меч, — писал он, — а еще более топор и соха, обращались внутрь нынешней Европейской России, покоряя и ассимилируя разные чудские племена».⁶⁰ Подобных взглядов придерживались деятели соседних ТУАК, изучавшие данную проблему. Так, нижегородский историк А.А.Савельев писал о том, что в восточной половине России русский народ совершал свои завоевания «не столько мечом, сколько крестом и своим цивилизующим влиянием».⁶¹ Однако не все исследователи разделяли подобную точку зрения. Московский член ТУАК И.Ф.Токмаков, например, полагал, что обрусение зачастую достигалось путем насильственного крещения. Государство, отмечал он, действовало решительно, «поражая непокорных мечом, а вслед за мечом под его защитой двигалось и христианское просвещение».⁶² Первые столкновения с мордвой на территории края он отнес к 1103 г., а начало перевеса русских в этой борьбе — к XIII в. Токмаков считал, что после покорения Казани одно из местных племен — эрзя — было роздано боярам, а остальные включены в состав царских мордовских вотчин.

Относительно времени ассимиляции буртасов и мешчеры также не существовало единой точки зрения. С.А.Березнеговский полагал, что уже после нашествия Батыя в 1237 г. мешчера перестала существовать, частью погибнув, частью смешавшись с мордвой.⁶³ По мнению Г.В.Хитрова, мешчера, заселявшая всю северо-восточную часть края с конца XI в., была вытеснена со своих земель мордвой и после покорения Казани и Астрахани смешалась с ней и татарами, а ко времени восстановления епископской кафедры (к середине XVIII в.) окончательно утратила «особость и язык».⁶⁴ П.Н.Черменский же считал, что мешчера обрусела и сошла с исторической сцены уже к XVI в., а в XVI в. ушла из края на соседние с ним земли мордвы.⁶⁵ Специалист в области истории финно-угорских народ-

ностей И.Н.Смирнов доказывал, что мордва отступила из Пощенья на север и восток в первой половине XVII в.⁶⁶ С ним солидаризовался И.И.Дубасов, указывавший, что еще в конце XVII в. в царских грамотах встречаются упоминания мешеры и буртасов, но это уже были, по его словам, жалкие остатки племен, слившиеся с татарами (буртасы) и пришлыми русскими людьми.⁶⁷ Таким образом, поднимавшиеся в работах тамбовских историков проблемы истории автохтонного населения края не получили однозначного решения.

Из деятелей комиссии, занимавшихся изучением истории колонизации края, наиболее существенный вклад в ее разработку внесли И.И.Дубасов⁶⁸ и П.Н.Черменский.⁶⁹ Вопрос о времени появления на территории Тамбовского края русских поселенцев вызывал у Дубасова затруднения. «Когда появились первые русские колонисты в пределах нынешней Тамбовской губернии, — писал он, — нам неизвестно».⁷⁰ Тем не менее историк выделил середину X в. как время «первого опыта государственного объединения славяно-русов» в Окском бассейне, а XI в. как период, когда вся территория края была уже «государственно-русская», несмотря на то, что коренного русского населения было мало и обитало оно главным образом в Липецком, Елатомском и Кадомском уездах.⁷¹ В период феодальных усобиц большая часть края отошла под власть рязанских князей, а его северо-восточные земли — к Муромскому княжеству. К этому же времени Дубасов относил первые антирусские выступления мордовских и мешчерских панков, воспользовавшихся княжескими распрями для достижения собственных целей. Историк полагал, что Тамбовский край был населен русскими гораздо раньше, чем это принято считать. «Его государственно-колонизаторская роль, — писал он, — относится, по крайней мере, к XII веку, т.к. в самом начале XIII века у нас были уже чисто русские города: Липецк и Кадом с пригородами и уездными селами».⁷² На этот счет в краевой историографии существовало две точки зрения. Одни, к примеру, В.Х.Феокистов, считали, что начало русскому населению на Тамбовщине было положено в середине XVI в. с основанием Шацка. Другие (С.А.Березнеговский) относили его ко времени до установления монгольского ига. Последнее мнение было ближе к истине и отстаивалось видными дореволюционными историками. Так, М.К.Любавский считал принципиально неверным представление об отсутствии русского населения в Диком поле к XIV в. и утверждал, что южные пределы русской оседлости претерпели мало изменений по сравнению с тем, как они оформились еще при половцах. «Черноземные степи, — писал он, — никогда не лишались русского населения, несмотря на господство в них кочевников».⁷³ Дубасов вслед за С.А.Березнеговским также выделял домонгольский период славяно-русской колонизации края, завершение которого относил к 1239 г. — времени завоевания мордовских земель Батыем. Относительно последней даты он расходился с Березнеговским, указывавшим на 1284 г. После этого непродолжительного этапа, констатировал Дубасов, русская колонизация в мешчерско-мордовской земле надолго ослабела.

Из нерешенных вопросов, относящихся к этому периоду, историк особо остановился на проблеме местонахождения стоянки Мамая — Кузь-

миной Гати — накануне похода к верховьям Дона в 1380 г. Этот вопрос был поставлен И.И.Дубасовым на VII археологическом съезде в 1887 г. В крае существовало три населенных пункта с названием Кузьмина Гать — на р. Цне под Тамбовом, р. Воронеж близ Липецка и на р. Красивой Мече, в 20 верстах от Лебедяни. Дубасов так же, как и его предшественник по изучению этого вопроса С.А.Березнеговский,⁷⁴ полагал, что упоминаемая в источниках стоянка находилась в Лебедянском уезде.⁷⁵ А.Н.Норцов разделял это мнение, аргументировав его тем, что Кузьминой Гати на р. Цне в то время еще не существовало, а воронежская слишком далеко отстояла от Куликова поля.⁷⁶ Высказанное Дубасовым предположение получило поддержку известного историка Д.И.Иловайского. В настоящее время данная точка зрения считается доказанной.

Начало следующего этапа освоения региона И.И.Дубасов связывал со временем правления Ивана IV, застраивавшего мордовские пустоши русскими городами и селами. К этому времени, отмечал историк, мордовские князья уже достаточно сблизились с русскими, ставшими их союзниками в борьбе против татар. В результате увеличения числа русских поселенцев количество мордовских усадьбищ и селищ начинает резко сокращаться. Однако вопрос о времени окончательного обрусения края решался Дубасовым не вполне отчетливо. Так, в одном случае он писал, что «к концу XVI столетия русский элемент уже бесспорно господствовал над всеми местными инородцами».⁷⁷ В другом — утверждал, что уже в середине XVI в. «весь наш Тамбовский край значительно обрусел и по своему направлению и этнографическому составу сделался московским краем».⁷⁸

Новый мощный всплеск колониционного процесса И.И.Дубасов относил к первой половине XVII в. Именно в это время возникли многие новые населенные пункты, в том числе и Тамбов, усилился приток русского населения. Однако во многом этот процесс тормозился набегами кочевых народов. Усиленная русская колонизация вела здесь отсчет с начала XVIII в., после исчезновения угрозы татарско-ногайских набегов. Именно тогда край, по выражению Дубасова, из «оборонно-украинного» превратился в «серединно-русский». Историк отметил значительное изменение характера колонизации на этом этапе — вольная народная колонизация сменилась притоком крепостных крестьян, переводившихся во вновь пожалованные вотчины. В то же время он указал на отдельные, имевшие место еще в 60-х годах XVIII в., факты «первобытной колонизации». В основном это были малороссийские переселенцы, селившиеся за плату на помещичьей земле, а подчас и самовольно захватывавшие земельные угодья.⁷⁹

Решая вопрос о социальном и этническом составе тамбовских поселенцев, И.И.Дубасов отмечал, что в основной своей массе это были представители низших социальных слоев: «<...> разные сходцы, бобыли, утеклицы и иные обездоленные люди, которым почему-то плохо жилось у себя на родине».⁸⁰ Значительную их часть составляли белгие крестьяне, зачастую прибывавшие в край целыми семьями и основывавшие здесь села. Историк выявил регионы, из которых прибывали переселенцы: централь-

ные русские области, донские малороссийские земли, «из-за Литовского рубежа». Наиболее усиленное движение беглых крестьян на Тамбовщину Дубасов отнес к концу XVII в., когда их число стало составлять многие тысячи. Касаясь этнического состава поселенцев, историк отметил, что помимо русских, с XV в. земли получали также «выслужившиеся инородцы» — татары, мордва, мещера. За определенные заслуги перед государством они жаловались поместьями и княжескими титулами. Денежными окладами и землями награждались также «за восприятие веры Христовой» освобожденные из тамбовских тюрем пленные поляки и немцы.

Не остался без внимания И.И.Дубасова и вопрос о причинах усиленной колонизации края в XVI-XVII вв. В качестве одной из основных он назвал наличие здесь нетронутых природных богатств. Результатом неосвоенности природных ресурсов при относительной малочисленности населения стала низкая стоимость земли и леса. В середине XVII в. десятина плодородной пашни стоила всего 30 копеек. Пустоши же и «порозжие» земли предлагалось распахивать даром. Немаловажную роль играла также политика государства, заинтересованного в заселении своих окраин и создававшего льготные условия для переселенцев: в течение трех лет они освобождались от разного рода повинностей и пользовались правом бесплатной рубки леса на строительство жилищ. Определенное значение имела удаленность края от правительственного контроля, что привлекало сюда разного рода «утеклецов». «После всего этого, — заключал Дубасов, — понятно, почему в наш край в XVII столетии... усиленно направлялась колонизация. Со старых худших мест люди шли на места новые, лучшие, подобно тому, как и теперь наши малоземельные крестьяне, избывая скудости и ища достатка, идут и идут на восток в привольные сибирские и среднеазиатские степи...»⁸¹

Решая вопрос о соотношении движущих сил местной колонизации, тамбовский историк на первое место, в соответствии с положениями официальной историографии, ставил правительственную колонизацию, развивавшуюся в интересах обороны государства. Далее в качестве важнейших факторов колонизации у него выступают монастыри и вотчинники. Несмотря на то, что И.И.Дубасов не выделял специально понятие «вольная народная колонизация» (историк оперировал термином «первобытная колонизация»), он отводил ей значительную роль в освоении края. Так, Дубасов привел примеры основания вольными людьми и беглыми крестьянами новых населенных пунктов (например, основание моршанским крестьянином С.Рассказовым ставшего в будущем значительным торговым центром села Рассказова).

При характеристике колонизационного процесса в целом историк употреблял выражение «государственно-народная колонизация». Раскрывая содержание правительственного направления, И.И.Дубасов описал обстоятельства основания и начальную историю ряда городов, проследил процесс строительства укрепленных линий на территории края. Однако в большей степени он уделил внимание проблеме монастырской колонизации. При этом историк исходил из представления о доминирующей роли монастырей в местном колонизационном процессе. Царские

служилые люди выступают у него в качестве второй по значению колонизационной силы. «Монастыри и в нашем крае, — писал Дубасов, — были самыми могущественными пионерами русской колонизации, ассимилируя инородцев и содействуя основанию торжков, селений и мирно распространяя извечные национально-русские принципы».⁸² Именно вокруг них, по его мнению, «собиралась, строилась и крепла местная сбродная вольница и инородцы».⁸³ В представлении историка монахи, получив земли и обзаведясь хозяйственным инвентарем, становились «образцами в экономическом отношении» для своей округи. Вокруг монастырей возникали села, торжки и починки, в которых оседали бродячие люди. Именно таким образом, по мнению Дубасова, возникли города Лебедянь, Кирсанов, Спасск.⁸⁴ Представляется вероятным, что историк при анализе данного источника колонизации испытывал определенное влияние взглядов В.О.Ключевского на роль монастырей в освоении Северо-Восточной Руси.

Несмотря на известное преувеличение значения монастырской деятельности в процессе освоения тамбовских земель, И.И.Дубасов в целом представил точную картину роста местного монастырского землевладения. В числе монастырей, сыгравших наибольшую колонизационную роль, он назвал Кирилло-Белозерский, московский Новоспасский, Николаевскую Мамонтову и Вышенскую пустыни, Андрианову, Сергиеву Проломную и Троицкую Старо-Кадамскую пустыни. При этом он заметил, что наиболее богатые вотчины были у иногородних монастырей. Так, историк особо выделил колонизаторскую деятельность московского Новоспасского монастыря, имевшего вотчины в Лебедянском уезде. При царе Алексее Михайловиче они были отобраны в казну в интересах обороны государства, а монастырь получил земли в Спасском уезде, основав там в 60-х годах XVII в. ряд новых сел. Из местных монастырей главенствующую роль в колонизационном процессе Дубасов отводил Мамонтовой пустыни, шедшей, по его словам, «во главе местной сельскохозяйственной культуры».⁸⁵ Остановился он и на истории Шацкого Чернеева монастыря, указав на его роль в освоении местных земель и строительстве Тамбова и его пригородов.⁸⁶ Дубасов рассмотрел способы приобретения монастырями новых земель и отметил достаточно большой приток крестьян на монастырские земли, объяснив его тем, что именно здесь «сходцы» находили относительную безопасность от воинских людей и довольно небрежительную работу при сравнительном хозяйственном достатке. На основе архивных материалов он определил социальный и количественный состав насельников монастырских вотчин, размеры их наделов. Новопоселенцев Дубасов разделил на две категории: вольных людей и бежавших кабальных крестьян. При этом он отметил преобладание удельного веса последних и проанализировал причины, побуждавшие их к побегам. В числе причин он назвал «самоуправство дворцовых волостей», «монастырское иго» и помещичий гнет. Дубасов также выявил регионы, за счет которых пополнялось население монастырских земель. Так, вотчины Новоспасского монастыря заселялись владимирскими, костромскими, юрьевскими, нижегородскими, арзамасскими,

перяславльскими крестьянами, Мамонтовой пустыни — рязанскими, на ровчатскими, звенигородскими. Историк подробно остановился на характеристике видов монастырской хозяйственной деятельности, таких как земледелие, скотоводство, бортичество, рыболовство и звероловство, извоз, торговля. Дубасов особо выделил епископа Питирима среди местных церковных деятелей, внесших наибольший вклад в развитие церковного землевладения. Историк охарактеризовал Питирима как «образцового хозяина и строителя своих вотчин» и «сильного колонизатора» петровской эпохи.⁸⁷

Таким образом, в раскрытии содержания процесса монастырской колонизации И.И.Дубасов исходил из уже утвердившегося к тому времени в отечественной историографии представления о тесной взаимосвязи развития русской колонизации и распространения христианства. Например, Д.И.Иловайский самым прямым образом связывал славянизацию Рязанского края, частью которого являлась Тамбовщина, с успехами христианства. «Оба эти явления, — писал он, — шли постоянно рука об руку в отдаленных концах древней Руси и взаимопомощью облегчали свое движение».⁸⁸ Тамбовский историк почти буквально следовал этому тезису. «Оба эти явления народной жизни, — утверждал Дубасов, — русская колонизация и православное миссионерство зависели одно от другого, одновременно развивались и шли к одной церковно-государственной цели».⁸⁹

Значительно меньшую роль И.И.Дубасов отводил помещицкому и вотчинному землевладению. «Русско-дворянское землевладение, — считал он, — далеко не принесло у нас такой великой государственно-национальной пользы, как строение монастырей».⁹⁰ Историк выделил два основных способа формирования земельных владений — посредством великокняжеских пожалований и самостоятельных переселений отдельных собственников. Начало крупного русского тамбовского землевладения Дубасов относил к первой четверти XV в. Однако он полагал, что уже в XIII в. на территории края существовали татарские вотчины. В этой связи тамбовский историк выдвинул гипотезу о ранней татарской оседлости края. Согласно ей, во время своего похода Батый оставил здесь значительную часть своих людей для прикрытия пути, другая же часть была вынуждена остаться из-за болезней и других обстоятельств.⁹¹ Свое предположение он подтверждал ссылками на летописные источники, сообщавшие о некоем Урлапе, имевшем на территории края многочисленные городища. Не случайно древнейшие в крае жалованные грамоты были получены в темниковских и елатомских землях при Василии III в основном лицами татарского происхождения. По мнению историка, в состав его владений входили и будущие Тамбовский и Козловский уезды, ибо летописи отмечают, что Тамбов и Козлов срублены на Урлаповом городище. Задаваясь вопросом о том, кто такой был этот Урлап, Дубасов точного ответа не дал, но высказал предположение, что скорее всего это был кто-то из местных кудеяров, т.е. разбойников.

Предположение И.И.Дубасова о ранней татарской оседлости Тамбовщины разделял Г.П.Петерсон, проследивший по отказным книгам XVII-

XVIII вв. развитие инородческого землевладения в Керенском уезде. Он также указывал на осевших в крае татар из окружения Батыев как на первых местных землевладельцев.⁹² В числе представителей инородческого землевладения Дубасов называл и крымских татар, попадавших в край в качестве пленников, либо бежавших сюда от междоусобиц. К этой же категории землевладельцев он относил представителей мордовской и мещерской знати, расширявших свои владения в силу родового права или царских пожалований. В основном их земли находились в Кадомском и Шацком уездах по речкам Саватьме, Криуше, Мокше. Многие из них основывали новые села и деревни. В их числе Дубасов назвал Аносово, Анаево, Томниково, Ярково, Атюрево и другие, заметив при этом, что владения мордовской знати достигали порой значительных размеров.

Большинство русских тамбовских дворян были пожалованы землями, угодами и крестьянами в более поздний период — в XVI–XVII вв. По мнению И.И.Дубасова, крупное русское землевладение возникло на Тамбовщине в XVI в., мелкое — начало усиленно развиваться в XVII в. В качестве главных представителей крупного землевладения в крае в конце XVI — первой половине XVII вв. он назвал И.Н.Романова, князя Б.А.Репнина, великую инокиню Марфу Ивановну, боярина Л.К.Нарышкина. Вокруг этих, по выражению Дубасова, «тамбовских столпов русского землевладения» оседали и строились служилые люди. Расцвет помещицкого землевладения историк отнес к XVIII в., когда вследствие щедрых пожалований Петра I, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Павла I здесь появились вотчины А.Д.Меншикова, Строгановых, Волконских, А.Г.Разумовского, Г.А.Потемкина и др. «Едва ли кто-нибудь из всероссийских богачей XVIII века, — заключает Дубасов, — не был в то же время и тамбовским помещиком».⁹³ Историк выделил еще одну категорию землевладельцев, укоренившихся в крае в XVII в., — детей боярских, полковых казаков, солдат и ясашных крестьян и определил регионы их расселения.⁹⁴ Так, детьми боярскими, потомки которых были зачислены в однодворцы, были населены в XVII в. с. Сокольское в Липецком уезде, с. Малье Пупки в Козловском уезде и др. Ясашные крестьяне в основном населяли северные районы края. Полковые казаки и солдаты селились близ черты, около городков и острогов — в с. Татаново, Двойня, слободе Донская и т.д. Дубасов был склонен усматривать в подобных населенных пунктах прототипы будущих аракчеевских поселений.

Рассматривая основные направления заселения Тамбовского края, И.И.Дубасов остановился и на факторах, препятствовавших развитию этого процесса. Наряду с постоянными набегами на границы края он назвал административный произвол местных властей. «Местная колонизация, — отметил он, — находившая покровительство у местных воевод, подобных Р.Ф.Боборыкину, и у местных вотчинников, нередко встречала серьезное противодействие со стороны самих же воевод, противоположных Боборыкину типа».⁹⁵ Заметив с сожалением, что последние преобладали, Дубасов привел многочисленные примеры произвола тамбовских властей, придя к выводу о том, что притеснения различных «мелких властных людей» нанесли колонизации громадный вред и способствовали

оттоку населения из края. Тем не менее заключение Дубасова звучит вполне оптимистично: «Несмотря на все препятствия нашей колонизации, административные и вотчинные, а равно и на непрерывные татарские набеги и погромы, жизнь нашего края, вступивши на путь русской ассимиляции, неудержимо шла вперед...»⁹⁶

Проблеме заселения тамбовских земель посвящен ряд работ П.Н.Черменского, которые, бесспорно, принадлежат к числу наиболее серьезных научных исследований, появившихся на страницах «Известий» ТУАК. Историк поставил перед собой задачу восполнить имевшиеся в работах И.И.Дубасова пробелы и представить собственную концепцию колонизационного процесса на Тамбовщине. В более последовательном и систематизированном, чем у его предшественника, виде в его работах представлены основные направления колонизации: правительственная, вольная и монастырская. Задачу правительственной колонизации Черменский видел в укреплении южных и юго-восточных рубежей государства, что достигалось двумя способами: путем возведения укрепленных черт с организацией сторожевой и станичной службы и строительства городов с военной целью. Начало русской колонизации он относил к XIII в., разделяя вывод Дубасова о том, что в этот период главенствующая роль в крае принадлежала татарским землевладельцам, вначале как самостоятельным хозяевам, позднее как состоящим на царской службе. Рассматривая возведение укрепленных линий на территории края в XVI и XVII вв., он подробно остановился на путях проникновения сюда татар, внося дополнения к описанию основных степных дорог, составленному Д.И.Багалеем. Указав на Ногайскую орду как главного врага юго-восточной окраины России в XVI в., Черменский проследил пути продвижения ногайских татар из прикаспийских и прикубанских степей. Он описал две татарские дороги: от Волги через Царицынский перелаз по направлению к Рязани и Коломне, и от Волги через Самарский перелаз в Козловский уезд на север к Шацку и Кадому, или на запад – в рязанские и рязжские земли. Направление этих дорог и определило первую линию укреплений, восточная часть которой прикрывала окраину от ногайских татар, западная – от крымских. Историк составил подробное описание укрепленной черты, крайним восточным пунктом которой был Алатырь на р. Сура, западным – Данков. Он также проследил распределение мещерских, шацких и рязжских сторож в результате реорганизации сторожевой службы 1571 г., и определил значение засек близ Шацка и Рязска, закрепивших за Московским государством территорию по течению рек Сура, Мокша, Цна.

Новый всплеск правительственного колонизационного процесса после пришедшегося на период Смуты перерыва П.Н.Черменский связал с избранием на царство Михаила Федоровича и возобновлением строительства укрепленных линий на территории края. Он подробно рассмотрел устройство восточного участка Белгородской черты, выступающей у него под названием «черта Тамбов-Козлов-Усмань». При этом историк допустил неточность, включив в состав Белгородской черты Тамбовский вал, который в действительности находился за ее пределами. Согласно иссле-

дованиям В.П.Загоровского, крайней восточной точкой Белгородской черты являлся земляной городок Челновой. На северной окраине с. Лысье горы Белгородская черта заканчивалась, и последующие деревянные укрепления и земляные валы относились уже к Тамбовской черте.⁹⁷ Черменский фактически включил Тамбовскую черту в состав Белгородской – восточный фланг первой у Шацких укреплений он описал как завершающий последней. «У Нижнего Ломова, – писал Черменский, – Белгородская черта соединялась с Симбирской, построенной в период 1648-1654 гг.»⁹⁸ Достаточно подробно он рассмотрел укрепления городов, стоявших на этом отрезке – Тамбова, Бельского, Козлова, Доброго, Сокольска, Усмани. К указаниям источников о существовании земляного вала к северу от Тамбова в направлении с. Перкина историк подошел критически. Он полагал, что вала, подобного расположенному в западной части края, здесь не было. Употреблявшееся же в источниках выражение «служат по Тамбовскому валу» он считал возможным понимать как «служат по Тамбовской черте». Значение укрепленной линии Черменский видел не только в обеспечении безопасности края, но и в обусловленных ее строительством социально-экономических последствиях. В их числе он назвал понижение цен на хлеб вследствие образования новых сел и деревень и увеличения запасов в поле, и повышение жалованья ратным людям в результате сборов таможенных и кабацких денег.

Другим направлением правительственной колонизации являлось основание городов в целях защиты окраин от неприятельских набегов. П.Н.Черменский утверждал, что такие города строились исключительно с военной целью. «Польский город», писал он, представлял собой «укрепленный военный лагерь, созданный искусственно специально для борьбы со степью и в этой борьбе был весь смысл его существования».⁹⁹ Правительство не останавливалось перед издержками, сознавая, что каждый новый город продвигает границу на юг, увеличивает территорию государства и ослабляет силы кочевников. Историк описал фортификационное устройство городов-крепостей Тамбова, Доброго, Козлова и проанализировал состав их поселенцев. Последних он разделил на три группы: составлявшие большую часть так называемые «сведенцы» – жители центральных районов и обитатели края, свозимые сюда по воле правительства; ссыльные; «сходцы» – вольные поселенцы, привлеченные обещаниями земель и льгот. При этом он отметил, что по мере развития крепостного права количество последних уменьшалось. Так, если в XVI в. в города принимались даже тяглые люди, то в XVII в. дозволялось принимать лишь нетяглых родственников служилого и торгового сословия. Основу населения новых городов составлял служилый класс. Черменский указал на незначительное количество торгового люда в новых городах края. Исключение, по его мнению, представлял Кадом, в котором 63 % дворов составляли посадские. Этот факт он объяснил как древностью самого города, так и оживленностью торгового пути по р. Мокше. В то же время он подчеркнул, что торговлей в городах занимались и другие сословия – служилое, крестьянское и духовное. Черменский представил количественные данные о сословиях городского населения Козлова, Тем-

никова, Шацка и Кадома, а также выявил его повинности, среди которых выделил городское дело (производство ремонта крепостных укреплений), службу по вестям (извещение о приходе неприятеля соседних городов специальными вестовыми), службу по городским крепостям, по валу и др. Интерес представляют содержащиеся в работах Черменского таблицы, в которых обобщены количественные данные о состоянии городов Тамбова, Козлова, Кадома, Темникова, Лебедяни, Усмани, Добро-го, Бельского, Сокольского, Челнавского, Шацка на 1678 г. Они содержат сведения о длине городских стен, числе башен, слобод, церквей, духовных дворов, а также о различных категориях городского и слободского населения.

Народную и вотчинную колонизацию историк объединял в одном понятии — «вольная колонизация». Процесс вольной колонизации он представлял следующим образом: после получения вотчинником земли она некоторое время пустовала, затем появлялись крестьяне-населенники, которые садились на «порозжей» земле. Если же у вотчинника уже имелись земли за пределами края, то он свозил с них крестьян в свои новые владения. Так, образовывался починок, который вырастал в деревню, а после строительства церкви становился селом. П.Н.Черменский проследил процесс вольной колонизации в трех регионах края — северном, центральном и западном. Северный район — Темниковский, Кадомский, Шацкий, Краснослободской, Наровчатский, Керенский и Нижне-ломовский уезды (четыре последних вошли в XIX в. в состав Пензенской губернии) — фигурирует в работе Черменского под названием «мещерские земли». Приступая к характеристике процесса колонизации мещерских земель, автор указал на две ее разновидности — татарскую и русскую. Как и И.И.Дубасов, он относил начало татарского землевладения в крае к XIII в., а его крупной разновидности — к концу XIV в. При этом Черменский подчеркнул, что уже со второй половины XIV в. Москва начала усиленно раздавать русским и татарским собственникам мещерские земли. Следовательно, можно предположить, что именно к этому времени он относил и начало русской колонизации края. В то же время историк отмечал различие в способах освоения местных земель татарскими и русскими вотчинниками. В то время как первые ограничивались свободным притоком крестьян на их земли, вторые практиковали еще и вывоз их из своих центральных вотчин. Вольная колонизация из центральных регионов представлялась автору вторичной — она шла на уже розданные вотчинникам земли. Черменский предпринял попытку определить время и направление колонизации мещерских земель. Проследив по писцовым книгам процесс образования новых селений, он пришел к выводу, что большинство из них возникло в XV-XVI вв. Относительно направления колонизации, историк предположил, что русское население двигалось по р. Мокше, а затем по ее притокам — Цне и Ваду. Он также поставил вопрос о причинах, по которым некоторые русские села носили финно-угорские названия. Эти поселения, по его мнению, возникли на месте урочищ аборигенов (как, к примеру, Шацк и Тамбов — на реках Шаче и Тамбове) или в связи с обрусением местного населения при со-

хранении прежних названий. На основе ряда опубликованных в «ИТУАК» источников Черменский составил таблицы 142 сел Темниковского, Шацкого и Кадомского уездов, в которых поместил сведения о количестве имевшихся в них к концу XVII в. дворов и категорий населения.

Далее П.Н.Черменский рассмотрел историю заселения центральной части края — Верхоценской волости. Принадлежавшая ранее темниковским служилым татарским князьям, она перешла в 1622 г. в собственность инокини Марфы Ивановны — матери царя Михаила Федоровича, а в 1631 г. после ее смерти стала частью владений Приказа Большого двора. В 1636 г. волость вошла в состав Тамбовского уезда. Черменский отметил, что уже к началу XVII в. территория волости была густо населена. По опубликованным в «ИТУАК» источникам он установил количество населенных пунктов к началу 70-х годов XVII в. и предположил, что большинство из них возникло в первой четверти XVII в.¹⁰⁰ Он определил количественный и сословный состав их населения, размер тягла, площади оброчной земли и характер занятий жителей (земледелие, бортничество, рыболовство, охота).

Западная часть края, Козловский и Лебедянский уезды, подверглась усиленной колонизации несколько позднее, чем остальные — с середины XVII в. Это обстоятельство П.Н.Черменский объяснял постоянной угрозой татарских набегов вследствие отсутствия здесь естественных преград. Приток населения в этот район стал возможен лишь со строительством Козловского вала во второй половине 30-х годов XVII в. Не решаясь ответить на вопрос о точном времени начала заселения междуречья Воро-нежа и Дона, Черменский предпринял попытку осветить процесс в целом. Он отметил сходство форм колонизации в северной и западной частях края, заключавшееся в раздаче земель помещикам и монастырям, приглашавшим в свою очередь или свозившим на свои вотчины крестьян. В то же время он указал и на существенное различие — наличие в западных и южных районах казацкого землевладения. Это обстоятельство историк объяснил тем, что в мещерских землях правительство боролось с татарскими набегам главным образом при помощи служилых татар, а на западе ногаем и воровским казакам противостояли служилые казаки. Однотипным с казачьим Черменский признавал солдатское землевладение. Его возникновение он связал с началом строительства Козловского вала, когда к нему стали приписывать целые села, жители которых обращались в солдаты. В этих целях за вознаграждение отчуждались даже монастырские и владельческие села. Как и И.И.Дубасов, Черменский фиксировал наличие военных поселений на юго-западе края и пришел к выводу, что особенностью данного района являлся преимущественно военный характер его населения.

Специально П.Н.Черменский остановился на вопросе о вотчинах Романовых в Лебедянском уезде. Его мнение о времени их возникновения существенно отличалось от общепринятой у тамбовских историков точки зрения. Так, И.И.Дубасов и А.Н.Норцов полагали, что еще в 1574 г. боярин Никита Романович Захарьин-Юрьев, назначенный начальником сторожевой и станичной службы, получил в вотчину земли от Данкова до

Лебедяни. На основе анализа писцовой 1627-1628 гг. и переписной 1646 г. книг Черменский установил, что лебедянские земли были получены братьями Александром и Василием Никитичами после разорения их скопинских вотчин в Рязском уезде и опалы бояр Романовых в 1601 г.¹⁰¹ Таким образом, решение вопроса о том, когда и кто из Романовых получил в вотчину лебедянские земли, Черменский ставил в прямую зависимость от судьбы их скопинских вотчин. После смерти владельцев лебедянские и рязские земли перешли к их брату Ивану Никитичу, построившему в с. Романове в 1614 г. острог и населившему его ратными людьми. После этого село превратилось в вотчинный город, ставший оплотом колонизации задонских мест.¹⁰² Современные исследователи установили, что лебедянское поместье И.Н.Романова стало его вотчиной в период между 1621 и 1627 гг. и рассматривают работы Черменского как своего рода рубеж между стереотипом, созданном легендой, и раскрытием исторического факта.¹⁰³

В решении вопроса о монастырской колонизации П.Н.Черменский, как и И.И.Дубасов, исходил из представления о ее гораздо более ощутимых по сравнению с вотчинной последствиях, несмотря на определенное сходство форм. Причину этого он видел в том, что монастыри имели большее количество источников для приобретения земель (наряду с куплей и пожалованиями они пользовались вкладами «для строения души» — на помин души умершего и взносами на пострижение и прожиток) и, следовательно, являлись более крупными и привилегированными собственниками. В результате они привлекали к себе большее число людей: «<...>монастырские земли заселяются плотнее и заселяются быстрее».¹⁰⁴ Прослеживая процесс монастырской колонизации края, Черменский указал на два способа создания монастырей: одни вырастали из старческих келий, как, к примеру, старейший Чернеев монастырь, другие возникали на специально пожертвованной в этих целях земле. Так, в 1629 г. в. инокиня Марфа Ивановна пожертвовала старцу Мамонту землю в Верхоценской волости, на которой выросла впоследствии Мамонтова пустынь. Историк остановился также на анализе социального состава насельников монастырских вотчин в XVII в. Среди них он назвал «вольных гулящих» бобылей и нетяглое сословие «задворных людей», которым еще не было запрещено менять место жительства. Пополнялось население вотчин и за счет соседних монастырей. Черменский привел пример усиления колонизационной деятельности Мамонтовой пустыни в результате притока людей из рязанских монастырей. Он также проанализировал причины, привлекавшие население на монастырские вотчины, — предоставление разного рода льгот. Однако историк отметил при этом, что у различных монастырей они были неодинаковы, самым привилегированным в крае являлся Чернеев монастырь. Он указал также на те препятствия, которые встречала монастырская колонизация на своем пути. Среди них он выделил случаи проявления враждебного отношения мордовского населения из-за потери «порозжих» земель, а также столкновения с русскими вотчинниками, недовольными переходом их людей в монастырские вотчины.

При анализе хозяйственной деятельности монастырей П.Н.Черменский привел значительное количество данных об объемах их земледель-

ческих работ, торговле и промыслах. В составленных им таблицах показан последовательный рост с конца XVI до конца XVII вв. населенных владений крупнейших тамбовских монастырей — Пурдышевского, Чернеева, Мамонтова и Троицкого. В результате историк пришел к выводу о том, что монастыри являлись важной действующей силой колонизации края. Их значение в жизни края он определил рядом факторов, таких как содействие «культурно-хозяйственному прогрессу» и завершению процесса ассимиляции финно-угорских племен посредством распространения христианства, оказание услуг государству при защите его от внешних и внутренних врагов.

В заключение П.Н.Черменский указал на важность и неразрывность всех составных частей общего колонизационного процесса. «Таким образом, правительству, помещику, монаху, — подчеркивал он, — согласно работают на пользу государственного строения. Правительство организует служилых людей на защиту края, помещику организует труд крестьян, чтобы служить с них самому, монах влияет на население в культурно-просветительном отношении, чем делает их более покорными слугами. Таким образом, все работают на пользу государства и труды их сказываются к концу XVII в.»¹⁰⁵

Проблеме заселения Тамбовщины посвящен также ряд статей А.Н.Норцова. В них он, в частности, предпринял исследование организации сторожевой службы в крае с 1360 г. до 1623 г. На основе опубликованных источников и собственных визуальных наблюдений Норцов составил описание укрепленных линий — Козловской и Тамбовской.¹⁰⁶ Относительно времени строительства первой он допустил неточность, связанную с неправильной датировкой основания Козлова (1636 г. вместо 1635 г.). В соответствии с этим он отнес строительство Козловской черты ко времени между 1637 и 1640 гг.,¹⁰⁷ в то время как в действительности Козловский земляной вал был сооружен в течение 1636 г. Интерес представляет сделанное Норцовым на основе собственного обследования описание укрепленных линий, позволяющее представить состояние памятника к началу XX в. По его свидетельству, в большей степени Козловская черта сохранила свой прежний вид близ Челнавского городка. Из-за недостатка времени ему удалось исследовать лишь часть памятника, которая считалась им наиболее важной в военном отношении, — от с. Дмитровка до Кузьминой Гати. Описание остальных участков вала составил член комиссии столоничальник Козловского полицейского управления А.А.Рор.¹⁰⁸

Ряд статей был написан А.Н.Норцовым по результатам поездки по Темниковскому уезду в 1901 г., призванной положить начало реализации плана комплексного обследования отдельных районов губернии. В этих работах приведены многочисленные сведения об истории заселения северной части Тамбовского края.¹⁰⁹ Норцов разделял мнение С.А.Березнеговского о том, что такие населенные пункты, как Елатьма, Темников и Кадом, были современны городам Киевской Руси. На основании летописных упоминаний о Кадоме в 1209 г. он считал возможным начинать историю города с XII в. Происхождение его названия он объяснял стрем-

лением финно-угорских племен сохранить память об оставленной ими земле, и производил его от мокшанского слова *kato-maa*, что означает «потерянная земля». Эта версия отличалась от точки зрения Березнеговского, полагавшего правильным другое написание — *katomae*, что означало «остаток чего-либо» (земли, имущества).¹¹⁰ Считая Кадом древнейшим поселением, Норцов был вынужден признать, что достоверных сведений о начальном этапе его истории не сохранилось. После возникновения в XV в. нового города Старый Кадом, по мнению историка, был заселен исключительно татарами. Подобное утверждение основывалось на данных источников, не упоминающих с этого момента о мордовском населении города. Относительно времени основания Темникова Норцов не сумел привести точных данных. Сведения об основании города одним из татарских темников и последующем занятии его атаманом Темьяном он считал скорее легендарными. Начало «государственной» истории города Норцов относил к 1552 г., когда темниковский князь Еникей Кугушев принял участие в походе на Казань. Этот же год Норцов считал датой основания Шацка, в то время как некоторые его предшественники, например Березнеговский, указывали на 1553 г.¹¹¹ Помимо этого историк описал древнейшие населенные пункты Елатомского, Шацкого, Спаского, Лебедянского, Липецкого, Тамбовского, Козловского, Борисоглебского, Моршанского уездов, а также город Кирсанов.

Историю Елатьмы затронул в своей статье М.Г.Розанов.¹¹² В отличие от А.Н.Норцова и большинства других историков, относивших первое упоминание о городе к 1381 г., Розанов назвал другую дату — 1426 г. и связал ее с получением вотчинниками Протасовыми Елатьмы и Кадома в кормление. Елатьму он полагал древнейшим после Кадома городом Тамбовской губернии. Истории Усмани и деятельности первых тридцати трех усманских воевод XVII в. посвящена написанная на основе материалов МАМЮ статья Б.П.Княжинского.¹¹³ В ней автор остановился на обстоятельствах возведения усманского земляного вала, допустив при датировке его строительства неточность. Так, Княжинский полагал, что оно было начато в год основания города, в то время как В.П.Загоровский установил, что в 1645 г. вал был лишь намечен по линии прежних надолб, а возводился в течение 1646-1649 гг.¹¹⁴

Б.Г.Фиксен на основе двух оригинальных источников — приемного акта Тамбова в 1659 г. стольником и воеводой И.А.Полевым от воеводы Ф.И.Лентьева и книги валовых и деревянных крепостей Тамбовского края — воссоздал в одной из своих статей картину укреплений Тамбова.¹¹⁵ Автор составил их карту, однако не смог представить описание внешнего вида, сославшись на отсутствие данных в источниках. При этом Фиксен ограничился предположением, что внешний вид окружавших город стен соответствовал сохранившемуся якутскому аналогу 1632 г. Историю основания Тамбова и строительства Тамбовской черты рассмотрел также в своем очерке, посвященном 300-летию дома Романовых, В.И.Конобеевский.¹¹⁶

Внимание тамбовских исследователей привлекали и спорные обстоятельства основания Лебедяни. Вопрос о времени строительства этого города не был решен историками окончательно. После того как XII архео-

логический съезд в Харькове отметил эту проблему в качестве представляющей интерес для исследования, ТУАК приняла решение заслушивать на своих собраниях сообщения о материалах, касающихся ранних этапов истории города. Так, на заседании 12 июня 1902 г. А.Н.Норцов предложил вниманию собравшихся фрагменты из сочинений Константина Багрянородного относительно созвучной Лебедяни и близкой ей топографически Лебедии — территории между Доном и Днепром, на которой в конце VII в. поселились пришедшие с Волги хазары. Тамбовский историк, вслед за А.С.Хомяковым, признавал название города родственным славянским именам «Лыбець» и «Лебедь».¹¹⁷ В отличие от распространенного до сих пор мнения о первом упоминании в источниках Лебедяни в 1613 г.,¹¹⁸ Норцов утверждал, что оно относится к 1600 г.¹¹⁹ Однако не все члены ТУАК разделяли его мнение. Так, А.И.Сатин в докладе об истории и археологии Лебедянского уезда (начало его заселения он относил к XV в.), указал в качестве даты основания города 1621 г.¹²⁰ Другие историки, например, Г.В.Хитров, вообще полагали невозможным установление точной даты из-за отсутствия источников. Занимавшийся этим вопросом С.А.Березнеговский также был убежден, что составители писцовых книг не знали даты основания города. По предположению этого историка, город, скорее всего, был основан в первой четверти XVII в.¹²¹

Безусловный интерес представляют посвященные истории Лебедяни и его уезда работы П.Н.Черменского «Донские вотчины бояр Романовых» и «Город Лебедянь и его уезд в XVII вв.».¹²² Причину строительства города он связывал с необходимостью перекрыть татарские дороги между Данковым и Ельцом. Назвать же с точностью год основания Лебедяни Черменский, как и его предшественники, затруднялся. Первое его упоминание в источниках он относит в одном случае к 1615 г.,¹²³ в другом — к 1613 г.¹²⁴ В то же время историк высказал предположение, что город был построен в последнее десятилетие XVI в., но не ранее 1592 г. Это утверждение он основывал на отсутствии в источниках сведений о призыве людей из Лебедяни на строительство сторожей под Ельцом в 1592 г. Черменский подробно описал строительство города, его топографию, определил территорию уезда, рассмотрел состояние вотчинного и поместного землевладения, быт жителей уезда, привел статистику населения и землевладения в XVII в. В прилагающихся к работе таблицах помещено значительное количество сведений о числе городских казенных зданий, церквей, кузниц, помещиц, вотчинной и монастырской земли, селений уезда, категориях городского населения применительно к 1627-1628 гг.

В работах членов ТУАК содержатся многочисленные сведения об истории сельских населенных пунктов губернии. Так, И.И.Дубасов привел исторические справки об основании и первоначальной истории сел Рассказова и Бойкина.¹²⁵ Московский член ТУАК И.Ф.Токмаков исследовал историю с. Малое Пичаево Моршанского уезда.¹²⁶ Он выявил этимологию названия села, рассмотрел его географическое положение и первоначальную историю, проследил церковно-причтовую жизнь его обитателей. обстоятельное исследование по истории с. Ростоши Борисоглебского уезда написал на материалах церковного архива священник

В.А.Разумов.¹²⁷ Он описал обстоятельства основания села, попытался выявить этимологию его названия, определил этнографический состав первых поселенцев, рассмотрел историю сельских храмов, штат священнослужителей и проанализировал экономическое положение прихожан, принадлежавших в основном к категории государственных крестьян. Вслед за Дубасовым Разумов указал в качестве даты основания Борисоглебска 1698 г. В то время как их предшественник В.Х.Феокистов приводил в своих работах предание, согласно которому город был заложен между 1682 и 1686 гг., но сам он считал, что это произошло в 1700 г.¹²⁸

Сведения об истории отдельных населенных пунктов края сотрудники комиссии черпали из самых различных источников, в том числе и достаточно своеобразных. Так, в архиве ТУАК хранилась рукопись об одной из экспедиций, проводившихся по указу Екатерины II для изучения природных условий различных регионов страны. Неизвестный автор рукописи, предположительно один из участников экспедиции 1768-1775 гг. по обследованию юго-восточных районов России и Кавказа, составил ее описание. На основе этого источника М.Г.Розанов представил состояние Липецка во второй половине XVIII в.¹²⁹ Субъективный характер имел источник, положенный в основу заметки А.А.Курбатова.¹³⁰ Его автором являлся саратовский священник Г.А.Скопин, совершивший пешее паломничество в Киев в 1787 г. Его путь пролегал, в частности, и через Тамбовскую губернию. На основе впечатлений священника Курбатова описал внешний облик Тамбова, Кирсанова и Липецка в конце XVIII в. Путевые заметки вел также много путешествовавший по России уроженец Тамбовского края председатель Саратовской архивной комиссии и член ТУАК А.Н.Минх. В одном из выпусков «Известий» были напечатаны его заметки 1869 года с описанием населенных пунктов, находившихся на линии Тамбовско-Саратовской железной дороги.¹³¹

Таким образом, в исследованиях ТУАК поставлен широкий круг вопросов, связанных с проблемой освоения южных рубежей Московского государства в XVI-XVII вв. Основываясь на значительном количестве впервые вводимых в научный оборот источников, члены ТУАК осветили основные этапы заселения тамбовских земель, строительство укрепленных линий и организацию обороны края, историю отдельных городов и сел. В то же время приходится констатировать, что теоретические установки тамбовских историков, основанные на признании главенствующей роли народных масс в историческом процессе, во многом вступали в противоречие с их конкретными выводами. Находясь в зависимости от положений официальной историографии, деятели ТУАК уделили основное внимание освещению правительственного и монастырского направлений колонизации, в то время как содержание процесса народной колонизации осталось до конца нераскрытым.

3. «Бытовая история» и развитие крестьянских движений на территории Тамбовщины в исследованиях комиссии

Вопросы социально-экономической и культурной истории края включались деятелями ТУАК в общее понятие «бытовая история». Подобная

расширительная трактовка этого термина была характерна для историографии того времени. Под «бытовой историей» понималась не просто организация повседневной жизни людей, но и формы ведения хозяйства, социальное положение отдельных слоев общества и их взаимоотношения, элементы административного устройства, институты обычая и права, организация народного просвещения и т.д.¹³² Приоритетность подобного направления исследований определилась уже на первых заседаниях ТУАК. «Всего более мы будем по нашим архивным актам, — заявил И.И.Дубасов на заседании 3 ноября 1884 г., — изучать бывшие бытовые явления местной жизни, в их неизбежной связи с общерусским жизненным течением. И может быть, это будет началом хотя и скромным, нового, самобытного склада русской исторической науки, которая уже не станет ограничиваться одними внешними фактами, но будет проникать внутрь самой жизни».¹³³ Именно народный быт, по мнению председателя комиссии, является основой, которая формирует образ мышления, умонастроения людей, а в конечном итоге и тенденции общественного развития. Подобные представления были характерны для многих деятелей ТУАК. Например, Л.М.Савелов подчеркивал, что обязанность историка заключается в том, чтобы рассмотреть семейный и общественный быт народа и «отметить всякую мельчайшую подробность его домашнего обихода, помня, что нет такой мелочи, которая бы не могла повлечь за собою и более крупные факты и события».¹³⁴ В подобных взглядах провинциальных деятелей исторической науки заметно влияние представлений видного русского историка И.Е.Забелина, полагавшего, что домашний быт народа является средой, в которой «лежат зародыши и зачатки всех, так называемых великих событий его истории», всех явлений его жизни, общественной, политической и государственной.¹³⁵

Вопросам «бытовой истории» посвящены многочисленные статьи И.И.Дубасова,¹³⁶ М.Г.Розанова,¹³⁷ П.А.Дьяконова,¹³⁸ И.А.Аносова.¹³⁹ Прежде всего, в этих работах нашли отражение проблемы социального положения отдельных слоев тамбовского общества. Наибольшее внимание уделялось анализу социально-экономического и духовно-нравственного состояния крестьянского, дворянского и духовного сословий. Следует отметить, что большей части тамбовских историков был свойственен интерес не столько к анализу экономического положения тех или иных слоев населения, сколько к выявлению их социально-психологических характеристик.

Так, отслеживая процесс формирования тамбовского крестьянства, И.И.Дубасов пришел к выводу, что его «лицо» определялось многочисленными социальными и этнографическими составляющими — от «гулящих» людей, шедших в «лесные дебри и дикие поля» в поисках воли, авантюристов, искавших «молочных вод и кисельных берегов», «пропащих буйных голов», бежавших от казни, до зависимых переселенцев, перевозимых в край их владельцами. Не менее разнообразен был и его этнографический состав, включавший в себя представителей различных народностей, постепенно ассимилировавшихся русским населением. Все это не могло не наложить отпечатка на социальный облик тамбовского

крестьянства. Анализируя его экономическое положение, Дубасов не может не прийти к выводу о бедности и несправедливости народных масс. Однако, описывая в сочувственных тонах подневольное положение крестьянства, он в то же время был далек от его идеализации. «Такие темные люди, — писал он, — какими представляются нам по архивным документам тамбовские крестьяне, конечно, далеко не отличались патриархальными добродетелями».¹⁴⁰ В этой связи историк отмечает такие стороны народного характера, как легковерие, порождавшее самые нелепые и темные суеверия, склонность к пьянству и насилию, выливавшееся повсеместно в драки и убийства. Даже в самом характере народных развлечений — кулачных боях — он был готов усмотреть проявление «зверских, разбойничьих инстинктов» местного населения. «Драчливость в те поры, — замечал Дубасов, — была непомерная. Все местные присутственные места переполнялись от глубины подвалов и до чердачной высоты явочными челобитными о проломлении голов».¹⁴¹ При этом справедливости ради он указывает, что бились не только простые люди, но зачастую и привилегированные. Рассмотрев статистику разнообразных преступлений, многочисленные примеры которых он приводит на основе документов Тамбовской уголовной палаты (дела о «зарезании», отравлении, удушении, грабежах, потравах и даже растлении дочерей и внуков), историк заключал: «Крайне неприглядна была наша крестьянская жизнь».¹⁴²

В одном ряду с этими негативными фактами крестьянской жизни И.И.Дубасов поместил и такое явление, которое он обозначил термином «разбой». Он отметил, что Тамбовский край издавна называли разбойным. «Вся наша история, начиная с XIV века, — подчеркивал историк, — полна одними и теми же сказаниями о ворах и разбойниках».¹⁴³ Он проследил развитие разбойного движения в губернии в XVII — начале XIX вв. и указал на различия в его характере в разные временные отрезки. Так, в XVII в. его движущей силой была «гулящая вольная голытьба», издали приходившая на Тамбовщину, а в XVIII в. — оседлые местные жители. Дубасов пришел к выводу, что наибольшего размаха разбой достиг во второй половине XVIII в., когда простое передвижение по дорогам края стало представлять большую опасность. «Многим тамбовским крестьянам, — писал он, — разбойный промысел представлялся до такой степени соблазнительным, что некоторые мирные деревенские обыватели совершенно внезапно решались на такие подвиги, которые были под стать только закоренелым разбойникам».¹⁴⁴ Так, в Шацкой провинции целые селения партиями выезжали на большие дороги, а в некоторых селах крестьяне нападали на проезжих даже на собственных улицах. Таким образом, в XVIII в. разбой приобрел характер местного промысла. Описывая подобные случаи, историк не делал различия между «разбоем» как проявлением социального протеста крестьянства (поджоги, побеги и т.д.) и действиями чисто уголовных элементов, хотя в ряде случаев первое вполне могло приобретать форму последнего. В числе причин, способствовавших развитию «разбоя», он называл как ухудшение социально-экономического положения крестьян (введение новых податей, недоимки, «злая рекрутчина» и т.д.), так и «хищнические и зверские» устремления люмпенизи-

рованной части населения. Смешение Дубасовым разных по своей сути социальных явлений привело к тому, что в одном ряду он помещал рассказы о выступлениях крестьян, доведенных до отчаяния произволом помещиков, рекрутчиной, и о злодеяниях местных жителей, занимавшихся грабежом и скупкой краденого. Особого различия в характере этих явлений он не делал — и то, и другое являлось противоправным, а следовательно, попадало в его глазах под категорию «разбоя». Однако было бы ошибкой полагать, что Дубасов останавливался на одних лишь негативных сторонах крестьянской действительности. Он приводил и многочисленные примеры «самобытной и сильной умственной», по его выражению, стороны их жизни, проявлявшейся в технической сметливости, тяге к образованию и в других проявлениях «умной и доброй русской натуры».

Значительное внимание И.И.Дубасов уделил проблеме взаимоотношений помещичьего и крестьянского сословий. Он описал многочисленные случаи жестокого обращения с зависимыми людьми, приводившие подчас к трагическим последствиям. Отметил и факты «самодурства и лютоости» сельской администрации — волостных и вотчинных начальников, зачастую выходцев из того же крестьянства. В числе наиболее распространенных способов борьбы крестьян против произвола помещиков Дубасов назвал поджоги и побеги.

На конкретных примерах проиллюстрировали проблему взаимоотношений помещиков и крестьян П.И.Пискарев и П.А.Дьяконов. Первый использовал для этой цели документ, доставленный в комиссию в 1886 г. В.А.Муравьевым.¹⁴⁵ Он представлял собой дело по челобитию крестьян Булатовского погоста Соликамского уезда на присвоившего их земли Г.Д.Строганова. По указанию помещика его собственные вооруженные крестьяне разорили и разграбили селение, вывезли из него хлеб, избив при этом не успевших разбежаться жителей. Дьяконов в свою очередь привел примеры «косности крестьянской массы» XVIII в., ставшей результатом «дурного воздействия помещиков-землевладельцев и их управляющих» и выражавшейся в грубом нарушении соседского права «из свекорыстных видов».¹⁴⁶

Особо интересовало И.И.Дубасова положение духовенства. Отчасти это было связано с его сословной принадлежностью, отчасти с тем значением, которое он придавал духовенству как социальному слою, из которого рекрутировались представители других сословий. «И в высших интеллигентных сферах, — писал историк, — и в средних чиновничьих, и в тяжелой солдатской обстановке — везде мы встречаем представителей так называемого духовного сословия».¹⁴⁷ Дубасов считал, что духовенство являлось одной из наиболее размываемых социальных групп общества, т.к. за малейшие провинности священники переводились в сословия однодворцев, мещан, крестьян и даже солдаты. Анализируя положение тамбовского духовенства, он пришел к выводу, что в своей массе духовные лица недалеко отстояли по своему уровню развития от крестьян. Их общественное положение определялось, по его мнению, полным бесправием, что позволяло помещикам применять к представителям священ-

ства «грубое, кулачное насилие». Этот вывод Дубасова, основанный на изучении большого числа криминальных дел из консисторского архива, разделял И.А.Аносов. В статье, посвященной взаимоотношениям двух сословий, он подчеркивал, что в XVIII в. духовенство зачастую было припущено до крепостного состояния, а «его паства часто была орудием его же угнетения в руках помещиков».¹⁴⁸ В то же время оба автора признавали, что нравственный и культурный облик тогдашних «пастырей и водителей русского народа» был далек от идеального, и аргументировали свое утверждение многочисленными примерами невежества, безнравственности и корыстолюбия духовных лиц.

Характеристика тамбовского дворянства выдержана у И.И.Дубасова почти исключительно в мрачных тонах. «Не на веселые мысли, — писал он, — наводят нас тамбовские дворяне... Люди большею частью неразвитые и праздные, они всю свою энергию тратили единственно на подвиги необузданного самодурства, которое было тем рельефнее, что неразвитость тамбовского дворянства нередко выражалась в совершенной неграмотности».¹⁴⁹ Крайнее самоуправство, неуважение к власти, цинизм и жестокое отношение к крепостным, сословный эгоизм — вот далеко не полный перечень описываемых автором пороков местного дворянства. Не на последнее место в их ряду он ставит безразличное отношение к выполнению общественного и гражданского долга. «Нравственно бессильное тамбовское дворянство прошлого столетия, — указывал он, — разумеется, не могло заботиться о благе своего края и неоднократно доказывало это самым положительным образом».¹⁵⁰ В качестве наиболее яркого примера историк привел отношение к своей миссии как «лишней тяготе» избранных в Уложенную комиссию 1767 г. тамбовских дворянских депутатов. Проанализировав наказания депутатам от темниковского, керенского, кадомского и касимовского дворянства, Дубасов пришел к выводу о том, что они служат свидетельством «узко-утилитарного и ограниченного кругозора» их составителей, которые преследовали лишь цели достижения собственного материального благополучия.¹⁵¹ Неудачными были и первые попытки введения в губернии дворянского самоуправления: в дворянские собрания шли неохотно и при малейшем удобном случае подавали в отставку. Характер же самих собраний во многом определялся не интересами дела, а личными антипатиями, в результате чего они зачастую превращались в арену взаимных перебранок и ссор.

П.А.Дьяконов также отмечал неразвитость у местных помещиков «чувства законности и уважения прав собственности». В статьях, основанных на криминальных делах, поступивших в комиссию из Сенатского архива, он описал многочисленные случаи насильственного захвата чужой земли и самоуправления владельцев.¹⁵²

Признав, что случались среди привилегированного сословия и достойные представители, И.И.Дубасов тут же оговаривается, что было их немного. В их числе он называет И.Г.Рахманинова — переводчика Вольтера и основателя типографии в с. Казинка, литератора и переводчицу тамбовскую помещицу Е.К.Нилову, козловского депутата Уложенной комиссии Г.Коробьина, поднявшего вопрос об ограничении крепостно-

го права, елатомского помещика А.А.Ушакова, освободившего несколько сотен своих крепостных.

С поистине щедринским сарказмом И.И.Дубасов живописал тамбовское чиновничество, основное качество которого определял как «полную невинность и девственность ума». Малограмотное и равнодушное к судьбам края местное чиновничество проявляло завидную, по словам историка, ловкость в преследовании собственных корыстных интересов. Дубасов подразделил тамбовских бюрократов на три категории — взяточники, административные самодуры и ябедники — и проиллюстрировал эту классификацию на конкретных примерах. С немалым удивлением он констатировал, что взяточничество вообще не считалось в крае преступлением, а если дело и доходило до суда, то виновных зачастую оправдывали. Историк привел также многочисленные случаи грубого административного и судебного произвола — чиновники с легкостью пускали казенные деньги в рост или обращали заключенных в своих холопов.¹⁵³ Но более всего край был поражен такой болезнью, как казнокрадство. Даже в суровую петровскую эпоху тамбовские чиновники умудрялись скрывать от казны десятки тысяч рублей, в результате чего мелкие служащие порой становились крупными душевладельцами.

Констатируя, что «общий строй жизни был неладный», И.И.Дубасов сделал попытку разобраться в причинах этого. И здесь он остался верен своему взгляду на просвещение как основу общественной жизни: источником всех зол для него является отсутствие в крае должной системы образования. Как о вопиющем и наиболее показательном для Тамбовщины факте он пишет о закрытии губернским приказом «с весьма непохвальной поспешностью» тотчас после отъезда Г.Р.Державина из Тамбова созданных им училищ. В то же время приказ вел «оживленную и старательную переписку с Москвою об игральных картах, которые с чрезвычайною скоростью и в огромном количестве расходились по Тамбовской губернии и существенно интересовали тогдашнее наше общество».¹⁵⁴ Не удивительно отсюда и невежество, и «нравственная суровость» края, и «умственная косность, ужасающая и повальная».

Значительное внимание в работах И.И.Дубасова уделено собственно бытовому укладу тамбовской жизни в XVII-XVIII вв., который он воссоздавал на основе многочисленных источников из местных архивов. «Из пыльных губернских наших архивов, — писал он в этой связи, — со временем, я надеюсь, выйдут посредством бесперерывного накопления исторического материала и историко-бытовых обобщений и заключений новые образы русской бытовой истории: узнаем мы сложную и разнообразную тяготу древнего русского человека, которого по справедливости можно назвать народом-подвижником, узнаем такие в той же мере и высокие нравственно-христианские черты русской души: смиренной, терпеливой, вдумчивой».¹⁵⁵

Взгляд председателя на старый русский семейный быт значительно отличался от общепринятого, согласно которому женщина занимала в семье подневольное положение. Несмотря на констатацию общего удручающего состояния нравственности жителей края, И.И.Дубасов, проана-

лизировав хранившиеся в архиве комиссии источники, пришел к выводу о том, что «известное мнение о грубости старорусских семейных отношений сильно преувеличено» и что «дикость былых нравов обуздывалась законом, исходившим из области обычного права».¹⁵⁶ Он полагал, что юридически засвидетельствованный имущественный ценз женщины при вступлении в брак избавлял ее от положения рабыни, и она становилась хозяйкой дома и помощницей мужа вне зависимости от уровня его образования и воспитания. Дубасов указал на имевшую место практику составления брачных договоров как на гарантию сохранения добрых семейных отношений. По его мнению, тамбовские жители старались придерживаться общерусских обычаев и традиций в области семейной жизни. На основе рядных грамот, которым историк придавал большое значение как историческим источникам, он воспроизвел характерные черты «внешнего местного быта» — одежды, украшений, определил степень зажиточности населения. Выявляя особенности устройства сельского быта в XVII в., он пришел к выводу о том, что он определялся сравнительно незначительной заселенностью края. Расположенные на большом удалении друг от друга села и деревни становились объектами нападений татар и калмыков, либо пришлых разбойных русских людей. В силу этого многие населенные пункты приобретали вид военных оборонительных поселений. Крестьяне, помимо сельскохозяйственного инвентаря, были вынуждены держать в своем хозяйстве оружие. В то же время, по мнению Дубасова, малочисленность населения имела и свои преимущества, в силу которых тамбовское крестьянство XVII в. отличалось относительной зажиточностью. Об этом свидетельствовал характер их жилищ, представлявших собой просторные бревенчатые избы, и обилие заготавливаемых на черный день припасов. Дубасов отметил, что ввиду неразвитости торговых отношений, крестьяне предпочитали накапливать не деньги, а зерно и другие сельскохозяйственные продукты. Положение изменилось в XVIII в., когда задавленные непомерными налогами и государственными повинностями, крестьяне были вынуждены целыми семьями бросать свои хозяйства и уходить в бега.

Рассматривая экономическое положение населения края в XVII-XVIII вв., И.И.Дубасов подробно остановился на анализе его податей и повинностей. Он указал, что большую их часть составляли натуральные и лишь незначительную денежные повинности. Усиление обложения населения налогами он связывал с «реформенными тяготами» петровской эпохи. «Нудно было Тамбовскому населению и в XVII веке, — писал историк, — но настоящая народная “туга” пришла к нам при императоре Петре Великом. Такого напряжения всех народных сил во имя великой государственной идеи... русская история не знает».¹⁵⁷ Помимо несения многочисленных натуральных, денежных и иных повинностей, край должен был отсылать своих жителей на корабельное, крепостное, городское дело, переселять их на новые места — к Азовскому морю или в новую столицу. Со всех сословий под страхом жестокого наказания собирались работники, ученики, «служильцы», направлявшиеся на освоение новых мест. В особенности население края страдало от недоимок, которые, как подчер-

кивает Дубасов, были настоящим бедствием не только для маломощных крестьян, но и для зажиточных посадских людей и дворян. В начале XVIII в. на одних только темниковских посадских людей было накоплено 10500 рублей недоимок. Многие должники были арестованы, а их имущество описано.¹⁵⁸ В тяжелую эпоху преобразований тамбовское население подвергалось наказаниям и за гораздо меньшие провинности, об одной из которых, так называемых «непригожих речах», рассказал в своей статье С.Н.Введенский.¹⁵⁹

Специфическую для края повинность — судовую — исследовал А.А.Курбатов, рассмотревший обстоятельства и причины ее введения и объемы строительных работ.¹⁶⁰ Изготовление судов для Донского отпуска было поручено 22 городам Воронежского и Тамбовского края. В 1689 г. из 87 стругов 15 должны были изготовить козловцы. Участию жителей края в строительстве Азовского порта посвящена статья П.А.Дьяконова,¹⁶¹ в которой автор проанализировал категории населения, отправлявшиеся в Азов, а также описал процесс отсылки строительных материалов.

В стремлении к изучению различных сторон народного быта тамбовские архивисты предпринимали попытки сбора и изучения местных обычаев, верований и сказаний. Р.П.Ситовский, например, занимался изучением особенностей местного диалекта, народных поверий и примет. В.А.Заринский произвел анализ обнаруженного им в Лебединском уезде рукописного сборника сказок.¹⁶² Б.Г.Фиксен и А.Н.Норцов, придававшие большое значение изучению древней бытовой культуры, выступили в 1896 г. с инициативой составления сборника песен, сказок и пословиц Тамбовского края. По поручению комиссии в 1914 г. воспитанник Тамбовской духовной семинарии Кудрявцев осуществил сбор народных песен Липецкого и Усманского уездов. Собранный им материал был опубликован на страницах «Известий» ТУАК.¹⁶³ Норцов и С.Н.Введенский считали важным изучение влияния языческих верований и быта финно-угорских народностей на русское население. Первый из них сделал доклад на эту тему на заседании 12 июня 1902 г., второй посвятил истории волшебства и суеверий в Тамбовском крае специальную статью.¹⁶⁴ Ряд этнографических очерков, вышедших отдельным изданием, был написан членом комиссии преподавателем А.Ф.Можаровским.¹⁶⁵ В них он описал народные сказания, выделил остатки язычества в ряде отмечаемых населением праздников, проанализировал связанные с чародейством случаи знахарства и т.п. Здесь же он привел тексты заговоров, песен, эпиграмм. По своему характеру работы Можаровского не являются оригинальными и представляют собой компилятивный свод данных, почерпнутых из произведений В.Ф.Миллера, И.П.Сахарова и др.

В меньшей степени в публикациях сотрудников ТУАК затронуты вопросы собственно экономического развития края. Преобладание в архиве комиссии источников по истории Шацкой провинции определило преимущественную разработку хозяйственной деятельности именно этого региона. Так, на основе писцовых книг вотчин матери царя Михаила Федоровича Марфы Ивановны, присланных из МАМЮ, И.И.Дубасов описал положение сельского хозяйства и промыслов на территории провинции в

XVII в.¹⁶⁶ Историк пришел к выводу, что основным занятием населения было хлебопашество, в то время как промышленность была развита крайне слабо. Незначительными были отхожий и кустарный промыслы. Зато, как указывал Дубасов, большое развитие получили сельскохозяйственные промыслы, такие как бортничество, которым занималось не только крестьянство, но и служилые люди и духовенство, охота и рыболовство. Началось более или менее систематического развития промышленности в крае историк относил к XVIII в. «Вместе с гражданственностью, — отмечал он, — постепенно стала развиваться у нас и промышленность, конечно, не столько фабричная, сколько сельскохозяйственная».¹⁶⁷ В то же время он указал на ее ограниченный характер: в крае производилось, главным образом, железо и чугуны, сукна, спирт, изделия из рогажи.

Историю зарождения в крае металлургической промышленности рассмотрел Н.И.Орлов, описавший строительство Липецких железных заводов в конце XVII в. и пришедший к выводу об их достаточно высоком для своего времени технологическом уровне.¹⁶⁸

Экономическое состояние Шацкой провинции в конце XVII — начале XVIII вв. попытался исследовать А.А.Курбатов.¹⁶⁹ Данный период он считал временем наивысшего материального благосостояния жителей провинции. Причины начала экономического подъема региона он связывал с завершением выполнения им своей функции по охране границ московских владений. Проанализировав ряд источников, Курбатов пришел к выводу о сравнительно редких случаях покупки земли в это время. Большинство участков раздавалось государством «за многие службы», монастыри и помещики лишь изредка покупали соседние участки для «округления» своих владений. Автор отметил также дешевизну земли и леса в первой половине XVIII в. Обилие степей, лесов и рек позволяло успешно развивать хлебопашество, скотоводство и промыслы — бортничество, охоту, рыболовство. Все это, по мнению Курбатова, давало возможность крестьянам и священству жить довольно зажиточно. Он отметил, что большинство крестьян имели белую и черную избы, амбары с баней, хлев, конюшню и вели натуральное хозяйство. На основе отсутствия в источниках вплоть до 1774 г. указаний на голод или недород историк пришел к выводу, что даже в малоурожайные годы нужды в хлебе не ощущалось. При этом он заметил, что колебания в ценах все-таки существовали, и объяснил это обстоятельство изменением спроса на хлеб в соседних регионах. В заключение Курбатов пришел к выводу о полном экономическом благополучии жителей провинции, ни в чем якобы не испытывавших недостатка ввиду обилия природных богатств и малочисленности населения. Подобное утверждение опровергается данными, приведенными в статьях И.И.Дубасова, посвященных экономическому положению той же провинции в первой половине XVIII в.¹⁷⁰ В отличие от Курбатова он указывал на данный период как на один из наиболее «тяжелых и смутных» и писал о непосильных натуральных повинностях, убогости быта, несправедливости жителей, всеобщем оскудении и опустошении сел. «Описываемое время, — отмечал он, — было у нас эпохой всеобщего оскудения. Вместо Шацкого приволья всюду сказывалась нищета».¹⁷¹

Характеристика хозяйственной деятельности Троицкого уезда в конце XVIII в. дана в статье П.А.Дьяконова.¹⁷² Автор рассмотрел основные занятия населения уезда, состоявшего главным образом из помещичьих, дворцовых и заводских крестьян. Дьяконов пришел к выводу, что помимо земледелия они занимались рядом промыслов: рыбной ловлей, струговыми работами, изготовлением саней и розвальней, соляным промыслом, виноторговлей. Особо он остановился на различии в положении разных категорий крестьян (помещичьих, дворцовых и заводских), отметив, что наиболее тяжелыми были условия жизни помещичьих крестьян. Заводские, приписанные к железоделательному заводу в с. Баташеве и Дворцовому Троицко-Острожскому винокуренному заводу, крестьяне, не имея участков и не занимаясь земледелием, должны были платить в казну подушный налог по 70 копеек в год. Дворцовые же крестьяне помимо этого выплачивали подати в дворцовые доходы по два рубля.

Тамбовские историки касались в своих работах и вопросов развития торговли. Состояние торговли в Шацкой провинции в XVIII в. рассмотрел в своей статье П.А.Дьяконов.¹⁷³ Рынки Шацкой провинции являлись одним из основных пунктов закупки пеньки казенными поставщиками. Проанализировав причины повышенного спроса на пеньку в начале XVIII в., Дьяконов связал это обстоятельство с усиленным развитием кораблестроения. Он отметил тот факт, что ежегодно с шацких полей поступало по 200 тысяч пудов сырья для пеньки, однако лишь 2 % из них обрабатывалось на месте — на канатных фабриках в Елатье и с. Морша. Из этого автор сделал вывод о неразвитости и «беспомощном консерватизме» местной промышленности. Организации торговли в крае, а именно устройству так называемых «запасных магазинов», открытых в 1799 г. на случай возможного неурожая, посвятил одну из своих статей И.И.Дубасов.¹⁷⁴ Спустя 18 лет магазины были отданы в собственность жителям, что сыграло, по мнению историка, роковую роль, так как к 1820 неурожайному году магазины оказались пусты. Здесь же автор отметил низкий уровень развития промышленности края в XVIII в., указав на наличие лишь одного крупного местного фабриканта — Лиона, владельца фабрики, производившей до 300 тысяч аршин солдатского сукна в год.

Не обошли своим вниманием тамбовские историки и вопросы состояния здравоохранения и просвещения в крае. На основе имевшихся в их распоряжении источников они пришли к выводу о крайне низком уровне его развития на протяжении XVIII-XIX вв. Так, в середине XVIII в. на всю Шацкую провинцию был один лекарь, который, по словам И.И.Дубасова, не столько лечил, сколько разорял население, обложив его натуральными повинностями. Во второй половине XVIII в. в крае появилось несколько казенных и частных врачей, однако источники, как отмечал Дубасов, сохранили факты лишь отрицательного свойства, свидетельствующие об их крайне низкой квалификации и склонности к мздоимству. Результатом подобной постановки дела народного здравоохранения стали страшные эпидемии, губившие народ «наповал, целыми семьями от мала до велика». В этой связи историк остановился на описании эпидемий чумы в 1719 г. и холеры 1830-1831 гг.

П.А.Дьяконов, проанализировав состояние здравоохранения в крае в XVIII в., пришел к выводу о том, что и само тамбовское общество было далеко от понимания важности его должной организации. В 1774 г., к примеру, местные помещики не сочли необходимым принять предложение Воронежской канцелярии об устройстве в губернии аптек и организации врачебной службы.¹⁷⁵

История развития народного просвещения являлась одной из наименее исследованных сторон местной жизни. В предшествующий период предметом изучения становилась преимущественно постановка церковного образования (Г.В.Хитров, П.Остроумов, С.А.Березнеговский, И.Ястребов и др.).¹⁷⁶ Более широкий план развития просвещения местной историографией не рассматривался, поэтому в краеведческой литературе именно за И.И.Дубасовым закрепились роль пионера в данной области. Пристальное внимание председателя к развитию образования¹⁷⁷ определялось не только его профессиональными интересами педагога, но и тем значением, которое он придавал просвещению в жизни общества. В школьном образовании он видел первооснову культурного развития народа. «Дело разумно-систематического обучения и воспитания юношества, — подчеркивал историк, — без всякого сомнения... величайшее государственное дело, к которому должны быть направлены преимущественно симпатии и энергия государства, общества и частных людей».¹⁷⁸ В своих «Очерках» Дубасов представил последовательную картину развития просвещения на тамбовской земле. Его начальный этап, в соответствии с традиционным решением этого вопроса в историографии, он связывал с распространением христианства в крае во второй половине XII в. Однако из-за незначительного количества церквей и монастырей развитие «книжного дела» шло крайне медленно. Некоторый сдвиг в области образования наметился лишь в связи с реформами Петра I. Неволею, по выражению Дубасова, в Тамбове были открыты две школы — гарнизонная и при воеводской канцелярии, однако большого успеха эти начинания не имели. Историк объяснил это «ужасающей и повальной косностью» местного населения, с одной стороны, и «величайшей убогостью обстановки и свирепостью педагогических взысканий», с другой. «Как ни настойчив, — констатировал он, — был в своих предприятиях суровый царь, и его беспримерная энергия оказалась бессильной в борьбе с местным невежеством».¹⁷⁹ Начало следующего этапа Дубасов связывал с зарождением в крае духовного образования. В 1779 г. в Нижнеломовском монастыре была открыта духовная семинария, введенная в 1790 г. в Тамбов. Однако отношение к учебному заведению со стороны местного духовенства было скорее безучастным. Причину этого Дубасов объяснял «сомнительным» составом преподавателей, стремившихся восполнить недостатки своей педагогической деятельности излишней строгостью к учащимся. Определенные качественные изменения произошли в связи с назначением правителем Тамбовского наместничества Г.Р.Державина, активно содействовавшего процессу развития просвещения в крае. В 1786 г. было открыто Тамбовское главное народное училище, в последующие годы в ряде уездных городов были организованы всеобщие народные

училища. Однако вскоре выяснилось, что их существование определялось почти исключительно поддержкой Державина, так как после его отъезда большинство училищ было закрыто. Дубасов оценил это как проявление полнейшего равнодушия местного общества к проблемам образования. Таким образом, пришел к печальному выводу историк, «все училищно-просветительные предприятия XVIII века прививались к местным жителям чрезвычайно медленно и слабо».¹⁸⁰

Начало новой «учебной эпохи» И.И.Дубасов отсчитывал с момента введения гимназического образования в 20-е годы XIX в. В это время произошло качественное изменение состава учителей, существенно изменились и расширились учебные программы. В 1802 г. тамбовские дворяне решили основать для детей беднейшего дворянства училищный корпус, по окончании которого лучшие выпускники имели бы право поступать без экзаменов в кадетские корпуса и университеты. В первой четверти XIX в. в крае было также положено начало церковноприходскому образованию, развитию которого председатель придавал большое значение. «При условии действительного соответствия церковно-учительской теории с практикою, — писал он, — дело церковно-приходского учительства, несомненно, высоко патриотическое и просветительное».¹⁸¹ Дубасову представлялось особенно важным то обстоятельство, что епископ Феофил начал обучение инородческого населения на татарском и мордовском языках. Однако развитие церковноприходских школ наталкивалось на определенные препятствия, главнейшим из которых Дубасов считал «умственную и нравственную» неподготовленность самого духовенства, не оказывавшего начинанию должной поддержки. В последующие годы «сильного образовательного движения», по его мнению, также не наблюдалось. Хотя в губернии и было открыто несколько десятков начальных школ, институт благородных девиц, кадетский корпус, этого было явно недостаточно для столь обширной территории. Только начиная с 60-х годов XIX в., полагал историк, власти стали проявлять серьезное отношение к постановке народного образования. Действительно, уже в начале пореформенного периода в губернии возникло значительное количество новых учебных заведений: Тамбовская женская гимназия, Елатомская классическая гимназия, Лебедянская и Борисоглебская прогимназии, Липецкая и Козловская женские прогимназии, Тамбовское и Моршанское реальные училища, Тамбовский Екатерининский учительский институт, Козловское железнодорожное училище, Спасское городское училище, Тамбовское ремесленное училище; были открыты земские начальные школы. Отметил Дубасов и возросшее стремление населения к получению образования, что стало дополнительным стимулом для создания новых учебных заведений. В то же время историк был далек от идеализации ситуации, указав на то, что большая часть местного населения все еще остается неграмотной и дело народного просвещения долго еще будет нуждаться в своих подвижниках.

Процесс развития народного образования в губернии в пореформенный период исследовал в своем очерке директор народных училищ Тамбовской губернии И.В.Попов.¹⁸² Оценив «Положение о начальных на-

родных училищах» 1864 г. как начало нового этапа в развитии просвещения в стране, Попов рассмотрел деятельность вновь открытых училищных советов и преподавательский состав училищ губернии, проследил организацию учебного процесса, бюджет и контингент учащихся. Он также представил в таблицах поездам статистические данные за 1875 г. о составе преподавателей, размере их жалования, затратах на образование со стороны земств, городских и сельских обществ, частных лиц. При этом автор пришел к выводу о том, что в наибольшем объеме средства на дело народного образования выделялись в Моршанском и Борисоглебском уездах.

Истории отдельных тамбовских учебных заведений посвящены статьи преподавателя Александринского института П.А.Верещагина и анонимного автора, скрывавшегося под криптонимом «П.Д.», а также монография преподавателя истории и географии Тамбовской гимназии Г.М.Холодного. Работа Верещагина была написана в связи с 50-летним юбилеем Александринского института благородных девиц, учрежденного в 1843 г.¹⁸³ Институт стал одним из первых сословных дворянских учебных заведений, открытых в Тамбовской губернии. Автор проследил его историю начиная с момента подписания указа об учреждении, описал материальное положение, штатный состав, организацию управления учебным процессом, контингент учащихся, а также проанализировал учебные программы. За инициалами автора второй статьи без труда угадывается преподаватель Екатерининского учительского института П.А.Дьяконов. Он рассмотрел положение института (основанного в 1870 г. известным тамбовским меценатом Э.Д.Нарышкиным в память о скончавшейся супруге Екатерине Николаевне) в первые пятнадцать лет его существования.¹⁸⁴ Институт был учрежден специально для обучения выходцев из крестьянского сословия. Первоначальный период его истории, который Дьяконов отнес к 1870-1872 гг., был отмечен определенными трудностями, связанными с отсутствием подходящего помещения. Дважды — в 1870 и 1871 гг. — Э.Д.Нарышкин был вынужден ставить вопрос о перенесении института в Воронеж. Однако в итоге патристические соображения взяли верх, и, несмотря на необходимость дополнительных расходов, институт продолжил свою деятельность в Тамбове. Дьяконов подчеркнул, что с самого начала новое учебное заведение пользовалось огромной популярностью — на 12 мест было подано 100 заявлений. В 1871 г. благодаря усилиям губернского предводителя дворянства Г.В.Кондоиди институт получил здание бывшего дворянского кадетского корпуса, переведенного в 1866 г. в Воронеж, и это знаменовало начало второго периода в его истории. Его содержание определялось преобразованием закрытого ранее учебного заведения, что дало возможность значительно расширить контингент воспитанников. Дьяконов рассмотрел новый устав, штат, бюджет и учебные планы этого времени.

К столетнему юбилею Тамбовской гимназии было приурочено издание монографии ее бывшего преподавателя Г.М.Холодного.¹⁸⁵ В ней он проследил историю гимназии на общем фоне развития народного образования в России. В соответствии с изменениями законодательства в сфе-

ре просвещения автор выделил в истории учебного заведения несколько этапов: с момента учреждения главного народного училища в Тамбове в 1786 г. и до издания нового «Устава гимназий и прогимназий» 1864 г., оцененного автором как первый шаг к внедрению системы строго классического обучения. Холодный подробно раскрыл содержание каждого этапа столетней истории гимназии, дал собственную оценку постановке учебного и воспитательного процесса на протяжении выделенных им периодов. Монография преподавателя Тамбовской гимназии представляет бесспорный интерес в связи с предпринятой им попыткой проследить тенденции в столетнем общероссийском процессе развития народного образования на примере провинциального учебного заведения.

Деятели ТУАК интересовали проблемы постановки образования не только на уровне губернского города, но и в уездах и волостях. Так, П.Л.Киреев осветил историю создания Тамбовского сельского Покровского народного училища и начальный период его существования с 1860 по 1886 гг.¹⁸⁶ Приходское училище было создано для детей государственных крестьян, живших в Тамбове и его окрестных селениях. В 1871 г. оно было переведено в Покровскую пригородную слободу и стало функционировать на счет земства. Киреев отметил значительный прогресс училища в земский период его существования. Деятельность земства в области народного образования в Козловском уезде исследовал А.А.Щеголев.¹⁸⁷ Указав на то, что земству пришлось начинать школьное дело практически с нуля, автор определил в его деятельности два периода. В качестве переломного момента он выделил 70-е годы, когда вопрос о постановке народного образования привлек к себе лучшие земские силы. В числе достижений земства в этой сфере Щеголев назвал введение должности инспектора народных школ, организацию повышения квалификации учителей в Екатерининском институте, введение системы материального поощрения для наиболее отличившихся преподавателей, открытие учительской библиотеки, устройство народных чтений и воскресных классов для выпускников, поддержку профессионального образования путем создания столярно-слесарных, ткаческих и тому подобных классов. Особо Щеголев отметил постановку земством в 1867 г. вопроса об обязательном и всеобщем обучении. Несмотря на отсутствие необходимых для его введения условий, эта идея неоднократно выдвигалась уездными земскими деятелями и в последующие годы. Тема развития народного образования в Козловском уезде продолжена в работах М.Г.Розанова. К столетнему юбилею создания народных училищ в крае он приурочил основанную на архивных материалах Козловского городского магистрата статью о Козловском училище.¹⁸⁸ Обстоятельства открытия Шацкого народного училища рассмотрел в своей заметке П.И.Пискарев.¹⁸⁹

В исследованиях ТУАК получили освещение и вопросы истории церковного образования. Кроме И.И.Дубасова эту тему исследовали В.Орлов и В.В.Лебедев, посвятившие свои небольшие заметки истории Тамбовской духовной семинарии и Тамбовского епархиального женского училища.¹⁹⁰

Значительное место в работах тамбовских историков и в особенности И.И.Дубасова занимали вопросы крестьянских войн и отдельных крестьянских выступлений на территории края. Этой теме председатель посвятил как отдельные статьи, так и ряд глав в своих «Очерках». ¹⁹¹ Особенное внимание он уделил развитию событий в ходе крестьянских войн под руководством С.Т.Разина, К.А.Булавина и Е.И.Пугачева, затронувших пределы Тамбовского края. Значительной разницы в характере трех войн историк не видел. «В наших краях, — писал он по поводу событий булавинского восстания, — повторялась разиновщина и предназначалась пугачевщина: те же деятели, те же побуждения к бунту, средства и цели, и та же первоначальная правительственная вялость в подавлении мятежа». ¹⁹² Формулировки характера крестьянских войн выглядят у Дубасова довольно неопределенно. Так, разинскую войну он определил как «социально-политическое брожение», «буйный разгул» с целью поколебать «исконно-национальные принципы народо-царства», булавинское движение — как разбойное. Таким образом, оценка Дубасовым крестьянских восстаний не противоречила установкам официальной историографии того времени. Для него они являлись «эпохой самозванщины и лихолетья», временем, когда «худшие элементы края вполне воспользовались воровским знаменем для личных целей». ¹⁹³ Отсюда повсеместно употребляемые им по отношению к повстанцам эпитеты — «злодеи», «воровские люди», «преступники». Его симпатии были явно на стороне местных воевод и дворян, «мужественных и преданных своему долгу», восставшие же выступают в изображении историка как «обыкновенные хорошие молодцы придорожного характера». В то же время подобные оценки входят в противоречие с теми характеристиками, которые встречаются в его работах при анализе причин восстаний. «Наш XVIII век, — писал он, — полон внешнего блеска и исторического драматизма... но за этими декорациями скрывалась темная, бедная и несправедливая жизнь народной массы, слишком дорого платившей за внешний государственный блеск». ¹⁹⁴ Таким образом, Дубасов признавал, что брожения и смуты имели под собой определенную почву. В этой связи он выделял комплекс причин социально-экономического характера: увеличение повинностей, гнет рекрутчины, рост крепостной зависимости крестьян. При анализе разинского движения он отметил недовольство широких слоев населения церковной реформой Никона, а по поводу распространения пугачевщины в Шацком крае писал о «бытовых условиях, порожденных крепостничеством и бюрократизмом». В качестве одной из причин крестьянского движения Дубасов называл и неприятие народом «суровых московских порядков», его стремление вернуть прежнюю «народно-земскую волю». Последнее обстоятельство историк, оставаясь верным своему взгляду на просвещение как на решающий фактор в развитии общества, объяснял невежеством народных масс. «Эти беглецы, — писал он, — по степени своего умственного развития, по самому своему нравственному складу, никак не могли проникнуть в великие царские замыслы, идеальная и государственная сторона которых совершенно и непосредственно закрывалась для них крайне суровой действительностью». ¹⁹⁵

Для И.И.Дубасова был важен вопрос о причинах распространения крестьянских движений на территории Тамбовщины. Он подчеркивал, что край стал для них «самым горячим материалом», и связывал данное обстоятельство с наличием здесь широкой социальной базы для поддержки восставших. По его мнению, роковую роль сыграло преобладание здесь пришлого вольнолюбивого «бродячего люда». В булавинском восстании приняли участие раскольники, которых в крае было довольно много. «Оба эти элемента, — отмечал Дубасов, — как нельзя более гармонировали с характером булавинского движения, развивавшегося во имя казацких вольностей и древле-русского благочестия». ¹⁹⁶ Выявляя социальный состав восставших, историк назвал также «всевозможных неудачников» (беглых крестьян, драгун, рекрутов), людей «голомужных» и просто разбойников и воров. Особо он остановился на участии в крестьянских движениях духовенства, объяснив этот факт «бытовой и нравственной близостью» сельских священников к народу. Он считал, что в большинстве случаев они становились просто «невольными жертвами». Священников, так или иначе принимавших участие в крестьянских движениях, историк разделил на три категории: добровольцы; лица, пассивно покрывшиеся обстоятельствам; бежавшие от повстанцев, но по воле случая оказавшиеся в их стане. Определенную роль в развитии движений он отводил наличию в крае значительного числа инородческого населения (татар, мордвы, мещеры), не отличавшегося, по выражению Дубасова, «политической благонадежностью». Другим фактором, способствовавшим распространению восстаний на территории края, была, по его мнению, плохая оснащенность и малочисленность правительственных воинских сил. Именно с этим он связывал первоначальный успех повстанцев. ¹⁹⁷ Определенную вину историк возлагал и на забывших свой долг и бежавших из вверенных им городов воевод, вследствие чего «брошенные обыватели поневоле втягивались в смуту».

На основе материалов МАМЮ и архива Шацкой провинциальной канцелярии И.И.Дубасов восстановил ход крестьянских войн на территории края. При этом он описал события не в хронологическом порядке, а, пользуясь его выражением, по топографической системе, т.е. применительно к отдельным городам и уездам, что было обусловлено характером использовавшихся источников. Так, он проследил развитие событий в период разинского движения в Верхнем Ломове, Керенске, Кадоме, Темникове, Тамбовском уезде, булавинского — в Козловском, Тамбовском, Верхнеломовском уездах, пугачевского — в Керенском, Тамбовском, Шацком и Моршанском уездах, в Троицке, Краснослободске, Нижнем Ломове, Темникове, Кирсанове, Спасске, в окрестностях Елатьмы. Описывая действия мятежников, Дубасов особо останавливался на случаях проявления ими бесчеловечности и насилия. В то же время, оценивая события с гуманистической точки зрения, он выражал не меньшее осуждение действиям правительственных войск. С гневом он писал о том, что воинские команды зачастую вели себя в тамбовских селах как на неприятельской территории. «Ужасы дикого восстания, — констатировал в итоге историк, — сменились не менее свирепыми оргиями военной расправы». ¹⁹⁸

Анализируя последствия крестьянских войн, Дубасов увидел их основной итог в экономическом разорении края, ухудшении положения крестьянства, наступлении «величайшей и повсеместной бедности». «Провинциальная жизнь, — писал он о последствиях пугачевской войны, — вступила в прежнюю свою колею, не обновившись ни нравственно, ни юридически».¹⁹⁹

И.И.Дубасов рассмотрел также локальные крестьянские выступления в крае. Так, он описал восстание крестьян в 1756 г. в вотчинах московского Новоспасского монастыря — селах Спасском, Введенском и Козьмодемьянском. В качестве его причины он указал на крайне тяжелое положение крестьян, страдавших от монастырских «обид и взяток». В результате они прекратили платить оброк и оказали вооруженное сопротивление войскам. Однако в данном случае Дубасов всецело оправдывал крестьян, отмечая, что только «крайняя монастырская беспечность» довела дело до открытого возмущения и кровавой правительственной расправы. Анализируя причины, подвигавшие крестьян на сопротивление, историк называл и административный произвол. Так, в начале 40-х гг. XIX в. в с. Елань-Козловка произошло восстание, вызванное, по словам Дубасова, «неспособностью и недобросовестностью» уездных чиновников, силой заставивших крестьян сажать картофель и бравших с них двойные подати. На самом деле восстание стало следствием проводившейся в 1837-1841 гг. реформы государственной деревни П.Д.Киселева, сопровождавшейся усилением административного и податного гнета, и вызвавшей волну «картофельных бунтов», достигших особого размаха в Казанской, Оренбургской, Пермской и Тамбовской губерниях. Выступление крестьян было подавлено гарнизонным батальоном при участии губернатора, имелись убитые и раненые. «Распорядительные чиновники, — заключал Дубасов, — получили награды и повышения по службе, а народная жизнь отмечена была новым фактом бюрократического невежества и отсутствия патриотизма».²⁰⁰

В работах И.И.Дубасова нашли также отражение волнения, возникшие в крае в связи с эпидемией холеры в 1830-1831 гг.²⁰¹ Тамбовские холерные бунты стали одними из первых в стране в связи с начавшейся эпидемией и положили начало волнениям, охватившим целые губернии. Толпы людей, подстрекаемые слухами о преднамеренном заражении, громили больницы, убивали врачей и полицейских. Дубасов описал холерные бунты, произошедшие в с. Никольском Тамбовского уезда, с. Озерки Козловского уезда, с. Перкино Моршанского уезда, с. Старые Копылы Лебедянского уезда, с. Бурнак Борисоглебского уезда, в самом Тамбове и Моршанске. При этом историк указал, что холерная смута распространилась практически по всем уездам края. Раскрывая причину этого явления, Дубасов отметил непросвещенность народных масс и, как следствие, их легковерие, восприимчивость к различного рода нелепым слухам.²⁰² Волнениям обычно предшествовало появление в крае «захолустных ораторов», объяснявших болезнь действием отравы, пущенной «господами, лекарями и начальниками» в реки и колодцы. «Слушал эти дикие и бессмысленные речи, — писал Дубасов, — наш угрюмый, измученный вся-

кою деревенской страдою, серый народ и всему верил».²⁰³ При этом он подчеркивает, что «чрезвычайная умственная косность» была характерна не только для крестьянства, как крепостного, так и свободного, но и для других низших сословий, например, однодворцев и мещан. В качестве особенности холерных бунтов он отметил участие в них духовных лиц (например, священники с. Озерки Козловского уезда грозили прихожанам отлучением от церкви в случае, если они не начнут уничтожать больницы), а также сельского начальства (старост, писарей), охотно примыкавшего к «темным и легковерным людям» и действовавшего с ними заодно.

В работах И.И.Дубасова нашли отражение, хотя и не вполне адекватное, события, связанные с проведением крестьянской реформы 1861 г. Считая крепостное право величайшим злом в истории страны, тамбовский историк дал крестьянской реформе самую высокую оценку. По его словам, она «могущественно воскресила народную массу» и заложила «краеугольный камень нашего народного развития».²⁰⁴ При этом он указал, что, вопреки ожиданиям, реализация реформы в губернии не сопровождалась значительными беспорядками, и все обошлось сравнительно благополучно «благодаря исторически сложившейся великой покорности русского народа». В этом утверждении проявилось скорее стремление выдать желаемое за действительное, так как проведение реформы было сопряжено с рядом крестьянских выступлений, достигших наибольшего размаха в Моршанском и Кирсановском уездах. В то же время научная добросовестность заставила Дубасова признать наличие «разных недоразумений» между властями и крестьянами и тот факт, что крестьянские беспорядки нередко выражались «в самой грубой форме». Он описал волнения в Козловском, Усманском, Шацком, Елатомском и других уездах, оценив их как проявление легкомыслия крестьян, не оценивших в силу своей «величайшей наивности» исторического значения проводившихся преобразований.

Вполне очевидные натяжки, допущенные И.И.Дубасовым при описании событий начала 1860-х гг. в Тамбовской губернии, были замечены современниками. Так, журнал «Русская мысль» упрекнул тамбовского историка за то, что, говоря о беспорядках при проведении реформы 1861 г., он упомянул лишь о незначительных, заурядных недоразумениях, разрешенных мировыми посредниками. В то время как крупные столкновения с применением войск — в шацкой пригородной Черной слободе Мухановых, имении Э.Д.Нарышкина, графа С.Л.Шувалова — были им упущены.²⁰⁵

В числе других сотрудников ТУАК, обращавшихся к теме крестьянских выступлений, были П.А.Дьяконов и Н.И.Орлов, описавшие события периода крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева. При этом оба отметили широкий размах движения на территории края и выделили ряд факторов, способствовавших этому. Орлов, указав на произвол помещиков и тяжкие повинности крестьян, пришел к выводу о том, что «несладко жилось простому народу».²⁰⁶ Дьяконов видел главное зло в существовании крепостного права, отнимавшего у крестьянина «права

человеческие, как существа разумного со свободной волей». В публицистической манере он предъявил прошлому обществу упрек в том, что народные массы служили ему рабочей силой, которой отказывалось в праве на признание человеческого достоинства. В итоге историк пришел к выводу, что помещики были обречены рано или поздно расплатиться за убеждение, будто «ненормальное порабощение массы в интересах немногочисленного служилого населения — естественно, как созданное законом, и будет существовать вечно».²⁰⁷ Анализируя состав участников пугачевского движения на территории края, он отметил, что большинство из них составляли крестьяне, однодворцы, лица духовного звания. Отношение Дьяконова и Орлова к повстанцам, так же как и у И.И.Дубасова, двойственное. С одной стороны, для них это «шайки воров и разбойников», «скопища грубых и невежественных сорванцов», самочинно присвоившие себе прерогативы верховной власти, с другой — несчастные, доведенные до отчаяния люди. Рассматривая крестьянские движения как зло, Дьяконов в то же время указал на необходимость устранения их причин: «<...> эта повторность зла, и при том такая частая, требует радикального искоренения причин, его порождающих... Кому дома хорошо живется, тот не побежит на Дон, не соблазнится тревожной жизнью разбойника...»²⁰⁸ Возлагая значительную часть вины за крестьянские выступления на помещиков, Дьяконов привел примеры, когда последние прямо подстрекали своих людей к сопротивлению властям. Так, он отметил, что в документах XVIII — начала XIX вв. нередки указания на столкновения представителей власти с поместными владельцами по поводу межевания земель. Не оправдывая землемеров и чиновников межевой конторы, зачастую относившихся к своим обязанностям более чем формально, Дьяконов обвинил тамбовских помещиков в корыстолюбии. Бывали случаи, когда, не имея законных доказательств в подтверждение своих прав, они вооружали крестьян и заставляли их вступать в столкновение с властями. Возмездие за бунты в таких случаях целиком ложилось на крестьян, в то время как истинные виновники оставались в стороне. Именно такой эпизод, произошедший в начале XIX в. из-за спорных земель с. Агласова и д. Погореловки, историк подробно описал в одной из своих статей.²⁰⁹

Деятели комиссии подняли в своих работах широкий спектр социально-экономических проблем истории края, включенных ими в обобщающее понятие «бытовая история». В его рамках они исследовали положение отдельных слоев населения и взаимоотношения между ними, уклад семейной жизни, состояние просвещения, отдельные вопросы экономического развития края. Тамбовские историки проявили заметный интерес к теме социальной несправедливости, рассмотрев ряд крестьянских выступлений и движений на территории края. При этом они не ограничивали свою задачу описанием хода рассматриваемых событий, но пытались найти их причины. В то же время, анализируя их отношение к крестьянским движениям в целом, можно констатировать, что оно отличалось противоречивостью, что уже отмечалось в историографии.²¹⁰ С одной стороны, научная добросовестность заставляла их признать наличие объек-

тивно существовавших причин и предпосылок для возникновения подобных движений. В силу этого они не могли воспринимать их иначе, как крайние формы выражения социального протеста. Не случайны слова И.И.Дубасова, сказанные им по поводу восстания под руководством Е.И.Пугачева: «Дикие крепостные порядки откликнулись дикими оргиями народного самосуда».²¹¹ С другой стороны, глубокое неприятие любых форм насилия принуждало их вновь и вновь подчеркивать бесперспективность подобных попыток решения социальных проблем. Обращение к событиям далекого прошлого первый председатель комиссии и его сотрудники использовали как повод для того, чтобы еще раз высказаться против насильственных способов изменения общества, в защиту реформаторского пути, в котором они видел гарантию от революционных потрясений. Искренняя, но во многом наивная вера звучит в преждевременном и излишне оптимистичном заключении Дубасова по поводу крестьянской реформы 1861 г.: «Только великая реформа 19 февраля навсегда избавила русский народ от повторения кровавых движений в духе самозванца».²¹²

4. История церковного строительства в Тамбовской губернии

Церковно-историческая проблематика занимала одно из ведущих мест в научно-исследовательских разработках ТУАК. Сюжетам из истории церковного строительства на Тамбовщине посвящена 1/4 часть общего числа научных публикаций комиссии. Столь пристальный интерес к данной теме объясняется рядом причин. Во-первых, большинство сотрудников комиссии по рождению или образованию принадлежали к духовному сословию и уже в силу этого исходили из признания определяющего значения церкви для духовно-нравственной жизни края. Во-вторых, провинциальные историки исповедовали взгляд на историю церкви как на неотъемлемую и важную составную часть гражданской истории, нуждающуюся в столь же тщательном изучении, как и остальные стороны жизни. В-третьих, церковно-историческая тематика представляла значительный интерес в плане развития популяризаторского направления деятельности комиссии и предоставляла неограниченные возможности для демонстрации нравственных уроков, что было немаловажно для некоторых ее сотрудников и в особенности для первого председателя.

В своих работах деятели ТУАК затрагивали такие вопросы, как история отдельных церквей и монастырей, роль монастырей в колонизации края, церковное просвещение, деятельность местных церковных подвижников. Многие из этих вопросов поднимались ранее на страницах местных «Епархиальных ведомостей». История церковного строительства являлась одной из наиболее разработанных местной историографией проблем. Предшественниками ТУАК в изучении историко-церковных сюжетов были С.А.Березнеговский, Г.В.Хитров, И.Красовский, М.Кадомский, А.Алмазов, И.Грибановский, И.Кобяков и др.²¹³ Однако исчерпывающей картины церковной жизни на территории края к моменту учреждения ТУАК воссоздать не удалось. В этой связи перед членами ис-

торического общества открывалась возможность внести собственный вклад в развитие данной проблематики с учетом новых документальных материалов, собранных в губернском историческом архиве.

Наиболее полно и систематически история церковного строительства в крае представлена в книге И.И.Дубасова, для которого подобные сюжеты были излюбленными. Об этом свидетельствует уже тот факт, что из 22 глав его «Очерков» истории церкви посвящены семь. Вопрос о начале тамбовской церковной истории Дубасов оставил открытым из-за недостатка источников. Тем не менее он отметил, что христианство появилось в крае одновременно с русской колонизацией. Немногочисленные церкви, существовавшие здесь до середины XIII в., относились к Черниговской епархии, затем южная часть Тамбовщины отошла к Сарской епархии, северная — к Ростовской и Муромской, средняя — к Рязанской. Основным содержанием этого периода тамбовской церковной истории Дубасов считал начало обращения языческого населения в христианство. Он указал на значительные трудности, с которыми это было сопряжено, и особенно подробно остановился на миссионерской деятельности убитого язычниками рязанского архиепископа Мисаила и его последователей священников Иоанна и Иосифа. По мнению историка, православному духовенству, несмотря на его малочисленность, все же удалось оказать определенное влияние на язычников — уже в середине XIV в. были крещены некоторые из владетельных мордовских и татарских князей. В то же время Дубасов не идеализировал обстоятельства обращения местных жителей в православие. Он указал на то, что в ряде случаев оно достигалось насильем либо прельщением разного рода посулами. В этот же период были основаны первые тамбовские монастыри: в начале XV в. была воздвигнута пустынь на месте будущего Лебедянского Троицкого монастыря, в 1573 г. — основан Шацкий Чернеев монастырь.

Следующий непродолжительный этап местной церковной истории И.И.Дубасов начинает с момента учреждения в 1682 г. Тамбовской епархии и заканчивает ее закрытием в 1699 г. В этот отрезок времени епископскую кафедру последовательно занимали Леонтий, Питирим и Игнатий. Наиболее подробную характеристику историк дал архиепископу Питириму, сыгравшему значительную роль в развитии и укреплении епархии.²¹⁴ Именно в годы его правления были основаны Тамбовский Вознесенский женский монастырь (1690 г.), Трегуляев Предтеченский монастырь близ Тамбова (1688 г.), началось строительство главного собора епархии — Преображенского (1694 г.). Закрытие епархии Дубасов связал с последствиями деятельности епископа Игнатия, обвиненного в участии в заговоре князя И.И.Хованского и Г.Талицкого и сосланного в Соловецкий монастырь. Историк охарактеризовал Леонтия (отправленного в Спасо-Евфимьевский монастырь за раскольнические воззрения) и Игнатия как «фанатиков старообрядства и последователей известного Талицкого». Некоторые из современных исследователей тамбовской церкви считают подобный взгляд Дубасова ошибочным и связывают его с отсутствием у последнего точных источников.²¹⁵

С момента закрытия епархии начался следующий период истории тамбовской церкви, который продолжался вплоть до восстановления епархии в 1758 г. Этот этап И.И.Дубасов описал как время падения авторитета приходского духовенства. В отрицательных явлениях местной церковной жизни он увидел следствие общегосударственной политики по отношению к церкви. Не давая прямых негативных оценок петровской церковной политике, в подтекст своих высказываний историк вложил явное неодобрение. Так, он указал на «известное пристрастие Петра Алексеевича к религиозно-скептическим веяниям запада» и косвенно обвинил его в бюрократизации церковного ведомства. «Пастырская деятельность, — писал Дубасов, — приобрела в начале прошлого столетия характер фискально-полицейский и это обстоятельство, конечно, не могло не отразиться на нашей всенародной жизни».²¹⁶ Содержание последующего этапа, начавшегося с восстановления Тамбовской епархии во время правления Елизаветы Петровны, Дубасов видел в развитии тенденций, заложенных при Петре I. «Наша религиозно-нравственная жизнь в прошлом столетии, — констатировал он, — отличалась почти совершенною беспомощностью».²¹⁷ Причину этого он усматривал в несовершенстве духовенства, не отличавшегося в целом по уровню своего развития от «массы серого люда», с одной стороны, и в продолжавшемся увлечении западными веяниями, дань которому отдавали и священники, с другой. В подтверждение своих слов историк привел почерпнутые из многочисленных источников примеры косности и невежества местных священников, не умевших, по словам автора, «восполнить свою научную скудость» хотя бы «нравственной жизнью». Воссоздавая неприглядную в целом картину развития церковной жизни этого периода, Дубасов отметил в ней лишь два положительных явления: правление епископа Феодосия, бывшего, по словам историка, «истинным архипастырем, действовавшим в духе апостольского служения», и открытие в 1779 г. духовной семинарии.

Начало качественно нового этапа в развитии епархии И.И.Дубасов связывал с именем деятельного епископа Феофила, занявшего местную кафедру в 1788 г. «Получив епархию крайне разоренною во всех отношениях, — писал историк, — он принял строгие меры к заведению в ней порядка и в этом направлении достиг значительных результатов».²¹⁸ Его достойным преемником он считал епископа Иону, в особую заслугу которому поставил «важную епархиальную реформу». Ее суть заключалась во внедрении нового порядка чтения проповедей. С благодарностью писал Дубасов и о епископе Николае, проявлявшем особую заботу об увеличении числа местных начальных приходских училищ в 40-е годы XIX в. Именно ему принадлежала идея основания женского епархиального училища, реализованная в 1863 г. уже после его смерти. Отметил Дубасов и заслуги последующих правителей епархии — Макария, поднявшего «умственно-нравственный уровень» местного священства, и Феофана, начавшего в 1861 г. издание местных епархиальных ведомостей.

Деятели ТУАК придавали большое значение изучению истории старейших монастырей края как центров местной религиозной и хозяйственной жизни. Истории отдельных монастырей посвящены статьи Р.П.Си-

товского, П.А.Дьяконова, И.И.Дубасова, Н.И.Орлова, М.Г.Розанова, Б.Г.Фиксена, М.Г.Попова, В.А.Сысоева, А.М.Щекатова.

Так, И.И.Дубасов и Р.П.Ситовский исследовали историю одного из старейших в губернии Шацкого Чернеева монастыря.²¹⁹ Первый из них использовал доставленные в комиссию П.И.Пискаревым источники (царские жалованные, ввозные, поступные грамоты), второй — материалы собственного фамильного и монастырского архивов.²²⁰ Авторы осветили историю создания монастыря, проследили процесс приращения его владений, участие в строительстве Тамбова и его пригородов, отметили его особенность как своего рода казачьей колонии. Ситовский описал хранящиеся в монастыре памятники — древние иконы, Евангелия, собрание царских жалованных грамот, Синодик 1720 г., написанный рукой отбывавшего здесь наказание историка Сильвестра Медведева. Основание монастыря Дубасов и Ситовский, так же как и их предшественник В.Х.Феоктистов, отнесли к 1573 г., в то время как С.А.Березнеговский полагал, что он был основан между 1568 и 1570 гг.

В работах П.А.Дьяконова и И.И.Дубасова нашла отражение история другого старейшего монастыря губернии — Троицкого Тамбовского уезда.²²¹ Троицкий монастырь вырос из обнаруженной в цинских лесах в начале XVII в. небольшой пустыни. Мать царя Михаила Федоровича Марфа Ивановна, получившая в то время в вотчину Верхоценскую волость, дала пустыни земельный надел, после чего та была переименована в Троицкий монастырь. Во время крестьянской войны под руководством С.Т.Разина монастырь был уничтожен пожаром, после чего уже не возродился. Его земельные угодья и крестьяне были переданы по жалованной грамоте царя Алексея Михайловича московскому Чудову монастырю. Тамбовские историки полагали, что на протяжении своей недолгой сорокашестилетней истории монастырь довольно успешно справлялся с земледельческой и миссионерской деятельностью. Особое внимание они уделили описанию основных направлений хозяйственной деятельности монастыря и их организации. Дьяконову принадлежит описание истории еще одного Троицкого монастыря — в Козловском уезде. Он был основан в 1606 г. на р. Лесной Воронеж.²²² На взгляд автора, монастырь выделялся из числа прочих особой ролью, которую он играл в духовной и религиозной жизни не только в пределах края, но и всей страны. Дьяконов проследил процесс постепенного приращения монастырских земель и угодий вплоть до жалованных приобретений в Козлове. Особенно подробно он остановился на фактах, свидетельствовавших о строгом соблюдении монастырем своих прав земельного собственника. Подтверждением и результатом этого стал целый комплекс использованных автором документальных источников — челобитных с жалобами на отдельных лиц и целые общества, пытавшихся использовать принадлежавшие ранее монастырю казенные земли.

Другим монастырям губернии — Мамонтовой пустыни, Богородично-Казанскому и Вознесенскому монастырям в Тамбове — посвящен ряд очерков И.И.Дубасова.²²³ Статья о Казанском монастыре была написана автором на основе монастырской описи, скопированной П.И.Пискаре-

вым в МАМЮ. Дубасов исследовал историю монастыря, служившего на протяжении ряда лет резиденцией местному епископу, с момента его основания в 1667 г. «Неизменным светочем истинно обительской жизни» назвал Дубасов Вознесенский женский монастырь, основанный в 1690 г. Питиримом. Несомненный интерес представляют описание историком повседневного быта монастырской жизни и яркие характеристики некоторых послушниц. Дубасову принадлежит также очерк по истории московского Новоспасского монастыря, сыгравшего заметную роль в колонизации Тамбовского края.²²⁴

Ряд эпизодов из истории знаменитой Саровской пустыни раскрывается в статье Н.И.Орлова, А.М.Щекатова и А.Н.Норцова.²²⁵ Орлов на основе материалов архива Саровской пустыни описал положение пустыни во время крестьянской войны под руководством Е.И.Пугачева, ее благотворительную деятельность в период голода 1774–1775 гг., факты из биографии Серафима Саровского. Щекатов и Норцов также отметили некоторые наиболее значительные вехи в истории Саровской обители.

Спорные вопросы истории Лебедянского Троицкого монастыря затронул в своей работе «Донские вотчины бояр Романовых» П.Н.Черменский,²²⁶ предпринявший попытку опровергнуть связанные с ним широко распространенные легенды. Так, согласно наиболее популярной из них, монастырь был основан в середине XIV в. неким разбойником Тяпкой, бывшим боярином Тяпкиным, бежавшим с порученной ему для Орды данью и грабившим окрестности. Раскаившись впоследствии, он построил церковь Во Имя Ильи-Пророка, вокруг которой вырос монастырь. В ней по преданию и скрывался от преследований Бориса Годунова опальный боярин Ф.Н.Романов, восстановивший в 1621 г. разрушенный монастырь. Впервые эта легенда была опубликована Г.В.Хитровым²²⁷ и с тех пор переходила из одной работы в другую.²²⁸ Современные исследователи объясняют устойчивое бытование предания тем обстоятельством, что в дореволюционной историографии не был раскрыт до конца тезис о принадлежности монастыря патриаршему дому, так как источники, подтверждающие связь Филарета с монастырем, до сих пор не обнаружены.²²⁹ Черменский полагал, что Тяпкин времен Ивана Калиты является личностью мифической, а название горы Тяпкиной, на которой была основана Лебедянь, возникло в XVII в. от фамилии детей боярских Тяпкиных. Не соответствующим исторической действительности он считал и предполагаемое время основания монастыря — середина XIV в., так как в этом случае сохранившиеся письменные источники непременно упомянули бы об этом факте. Относительно некоего владетельного князя, жившего и умершего в лебедянской обители, в котором И.И.Дубасов и А.Н.Норцов видели смоленского князя Юрия, то Черменский считал, что это предположение не подтверждается никакими данными. Большие сомнения он высказывал и относительно другого предания — о том, что в монастыре на своих вотчинных землях спасался от преследования Бориса Годунова боярин Ф.Н.Романов, якобы принявший здесь пострижение. Сам монастырь, по мнению историка, был основан в 1621 г. монахами Елецкого Троицкого монастыря, разоренного в 1618 г. гетманом П.К.Сагай-

дачным. В заключение он пришел к выводу о том, что если Троицкой обители до 1621 г. не существовало, то и боярин Ф.Н.Романов не мог в ней пребывать. Таким образом, связь монастыря с фамилией Романовых оказывается разорванной.

Этому же автору принадлежит статья о храмах Лебедяни, в которой описаны выстроенные в XVII в. церкви Рождества Богородицы и Покровская, а также церкви Троицкого монастыря — Успенская, Ильинская и Троицкий собор.²³⁰ Он также привел список и описание старинных предметов и книг, хранившихся в монастыре.

Ряд материалов, опубликованных в «Известиях» ТУАК, специально посвящены анализу монастырской хозяйственной деятельности. П.А.Дьяконов остановился на описании спорных имущественных отношений, возникших подчас между монастырями.²³¹ Он пришел к выводу о том, что вследствие несовершенства приемов межевания земель, происходившего вплоть до начала генерального межевания второй половины XVIII в. по случайным признакам, довольно распространенным явлением были произвольные захваты участков. Дьяконов воспроизвел эпизод, связанный со столкновением администрации Вышенской пустыни и Кирилло-Белозерского монастыря из-за спорного поля. Ф.С.Соколов описал организацию и основные направления хозяйственной деятельности ряда монастырей, быт их насельников в XVIII-XIX вв.²³²

П.В.Никольский на основе материалов ТУАК определил размеры жалованья, выдаваемого церковнослужителям собора Усмани в конце XVII в.²³³ Начало подобным выплатам было положено грамотой царя Алексея Михайловича в 1664 г., согласно которой с торговых и промышленных предприятий города начали взимать таможенные сборы; часть из них шла на выплаты соборному попу с причетниками. Основываясь на данных источников, Никольский проследил динамику выплат в 60-80-х годах XVII в. и установил, что жалованье выплачивалось крайне нерегулярно.

Истории отдельных церквей были посвящены статьи и заметки М.Г.Попова, В.А.Сысоева, Б.Г.Фиксена. Попов описал историю пяти церквей Борисоглебского уезда, Сысоев — церкви с. Гумны Моршанского уезда, Фиксен — Тамбовского Спасо-Преображенского кафедрального собора.²³⁴

Значительное место в исследованиях ТУАК занимали сюжеты, связанные с жизнью и деятельностью выдающихся церковных деятелей и подвижников. Так, ряд публикаций в «Известиях» посвящен знаменитому подвижнику Козельской Оптиной пустыни о. Амвросию. В 1912 г. отмечалось столетие со дня рождения старца, являвшегося уроженцем Тамбовского уезда. Комиссия приняла самое деятельное участие в подготовке и проведении юбилейных мероприятий. Она выступила с инициативой создания Амвросиевского благотворительного фонда, учреждения именных стипендий, присвоения имени о. Амвросия духовному училищу, в котором он обучался. В Оптину пустынь на юбилейные торжества был направлен представитель комиссии — преподаватель духовного училища Ф.С.Соколов, произнесший речь на литургии во Введенском храме. Он также выступил с докладами на торжественных собраниях, проходивших в церковных шко-

лах и духовных училищах. На основе докладов был подготовлен ряд публикаций в «Известиях» ТУАК.²³⁵ На их страницах также получили уточнение факты биографии старца Саровской пустыни Серафима²³⁶ и епископа Питирима.²³⁷ Тамбовские историки считали, что опубликованные биографии старца, в том числе и известный труд Н.В.Елагина²³⁸ страдают значительными неточностями. На основе выявленных в архиве Курской духовной консистории документов Соколов пришел к выводу, что датой его рождения является 1754 г., а не 1759, как указывали официальные жизнеописания старца. Соколов подверг сомнению факт купеческого происхождения Серафима, сославшись на документальные источники из фондов МАМЮ — ревизские сказки 1745 г., в которых его отец Исидор Мошнин в числе купцов не упоминался. Преподаватель духовной семинарии Н.И.Орлов остановился на взаимоотношениях Серафима с тамбовскими епископами Феофилом, Ионой и другими, а также на отдельных фактах из его жизни, почерпнутых из материалов архива Саровской пустыни. Орлов оспорил общепризнанную дату смерти епископа Питирима. Многие исследователи жизни епископа (Г.В.Хитров, С.А.Березнеговский, Д.Самбикин, И.И.Дубасов) считали годом его кончины 1698 г. Одним из первых в точности этой даты усомнился С.Н.Введенский.²³⁹ Он указал на то, что в этом году епископскую кафедру уже занимал преемник Питирима — Игнатий. Основываясь на данных расходных книг Патриаршего Казенного приказа, Орлов доказал, что рукоположение Игнатия состоялось 21 ноября 1697 г. и вследствие этого пришел к выводу, что Питирим скончался на год раньше официально принятой даты.

Судьбе известного церковного деятеля второй половины XVII — начала XVIII вв. Макария Жабынского и первого тамбовского епископа Леонтия посвящены очерк преподавателя Тамбовской духовной семинарии И.В.Знаменского (написанный на основе архивных материалов Московской духовной академии и Тульского Белевского монастыря)²⁴⁰ и статья С.Н.Введенского.²⁴¹

Тамбовские историки обращались в своих работах и к деятельности современных им иерархов русской церкви. Так, А.А.Щеголеву принадлежит статья о тамбовском уроженце, митрополите Киевском и Галицком Владимире (в миру В.Н.Богоявленский).²⁴² Бывший преподаватель Тамбовской духовной семинарии, затем священник соборной церкви в Козлове, Владимир получил известность благодаря своей богословско-литературной деятельности. По мнению Щеголева, он принадлежал к числу иерархов, оказавших наибольшее влияние на развитие русской церкви в XIX в. Богословские труды епископа Тамбовского Феофана рассмотрел в одной из своих работ А.Н.Норцов.²⁴³ Написанная в связи с 50-летием посвящения в епископский сан и 15-летием со дня кончины Феофана, статья представляла собой фрагмент будущего исследования по истории мистицизма, отдельные части которого были к тому времени уже опубликованы.²⁴⁴ Бывший тамбовский епископ получил известность в связи с тем, что сложил с себя сан, удалившись в 1872 г. затворником в Шацкую Вышенскую пустынь, где всецело посвятил себя трудам по аскетике и экзегетике. Личность Феофана привлекала Норцова счастливым, на его взгляд, сочетанием писательского таланта и приверженности к аскетизму.

Ряд исследований тамбовских историков посвящен личностям, получившим известность не столько в связи с их влиянием на местную церковную жизнь, сколько по причине окружавшей их атмосферы таинственности. Так, они предприняли попытку внести ясность в тайну загадочной монахини Анны, обитавшей в 1852-1861 гг. в монастырях Тамбова, Усмани, Кирсанова и Пензы. Многие видели в ней первую супругу великого князя Константина Павловича — Анну Федоровну. Официальной датой ее смерти считался 1860 г. Однако в архиве ТУАК хранилась рукопись, в которой опровергалась достоверность этой даты и излагалась биография Анны после расторжения брака. Неизвестный автор утверждал, что бывшая великая княгиня некоторое время управляла женским монастырем в Иркутске, а затем после тринадцати лет странствий по святым местам под именем коллежской асессорши А.И.Степановой была доставлена в Усманский Софийский монастырь. По словам анонима, он был близко знаком с монахиней и получил от нее перед смертью в 1861 г. часы с надписью «царевна Анна». И.И.Дубасов, считавший ее незаурядной по своим качествам личностью, предположил, что до своего монастырского заключения она действительно занимала высокое положение. Однако прийти к заключению о том, кто скрывался под именем коллежской асессорши, он не решился. Сославшись на отсутствие в тамбовских архивах необходимых для этого источников, историк высказал предположение о наличии проливающих свет материалов в хранилищах Петербурга.²⁴⁵ Пензенский период жизни монахини исследовал П.Л.Киреев,²⁴⁶ а А.И.Самоцветов попытался установить авторство рукописи из архива ТУАК. По его мнению, она была написана крестником Анны, поляком по происхождению, неким помещиком Владиславом Никифоровичем.²⁴⁷ Более критично подошел к анализу рукописи А.Н.Норцов, выступивший с опровержением описанных в ней фактов. Изучив источник, он пришел к выводу, что изложенная в ней версия биографии Анны Федоровны представляет собой не более чем вымысел, подобный известным легендам о сибирском старце Федоре Кузьмиче (Александре I) и новгородской монахине Вере-молчальнице, якобы его вдове. Не ограничившись констатацией этого факта, Норцов предпринял попытку выяснить причины появления и широкой популярности подобных легенд. Он предположил, что определяющими стали исторические обстоятельства александровской эпохи, олицетворявшей, по его мнению, «самый возвышенный героизм», и природа народного характера, который «не удовлетворяясь сухим регламентом исторических фактов, ищет за пределами вероятного лиц, ему особо дорогих и облекает их в трогательные мистические образы».²⁴⁸

Отличительной особенностью исследовательской деятельности ТУАК являлось то, что она не ограничивалась изучением религиозной жизни края на уровне официально-церковного культа. Едва ли не в большей степени деятелей комиссии, и в первую очередь И.И.Дубасова, интересовало массовое религиозное сознание, зачастую вступающее в противоречие, а то и в противоборство с ортодоксальной религиозной идеологией. Пристальный интерес к народной жизни во всех ее проявлениях обусловил обращение Дубасова к такой малоисследованной теме, как сектантство.

До него к сюжетам, связанным с распространением сектантства в крае, обращались только Г.В.Хитров и С.А.Березнеговский.²⁴⁹ В силу того, что Тамбовский край являлся очагом возникновения многих разновидностей сектантского движения, он настоятельно подчеркивал необходимость подобного рода исследований. «Изучение тамбовских противокерковных движений, — писал он, — составляет одну из важнейших задач нашей церковно-исторической науки».²⁵⁰ В своих «Очерках», а также ряде статей, опубликованных в популярных центральных исторических журналах,²⁵¹ Дубасов описал различные формы антицерковного движения, быт и образы сектантов, методы правительственной борьбы с ними, выявил характер отношения к ним местного населения. Его исследование в этой области были основаны на многочисленных документальных источниках из архивов Тамбовского окружного суда, губернского правления, ТУАК.

В центре внимания историка находился вопрос о причинах широкого распространения в крае оппозиции официальной церкви. В поисках ответа на него И.И.Дубасов выделил целый комплекс причин, которые можно свести к трем основным группам. Во-первых, это факторы социально-экономического характера. Изучив социальную базу сектантских движений, председатель пришел к выводу, что их питательной средой являлось крестьянство в его наиболее обездоленной части, а именно помещичьи крестьяне. «Тяжелая крепостная обстановка, — констатировал он, — невольно влекла истрадавшееся крестьянство к религиозной мистике и фанатизму... Люди непросветной глуши, не забытые только теми, кто нуждался в их скудных достояниях, тамбовские крепостные и им подобные обыватели естественно искали отраду для своей горемычной жизни в религии и находили его по-своему».²⁵² Таким образом, Дубасов подошел к оценке сектантства как своеобразной формы социального протеста недовольных своим положением низших слоев. Вторую группу причин можно условно определить как нравственно-религиозные. В ряде случаев историк отмечал, что местное население, несмотря на все свое невежество, стремилось жить «не хлебом единым» и «томилось духовной жаждой». Он характеризовал тамбовское крестьянство как чрезвычайно чуткое к религиозным вопросам, искони отличавшееся своеобразным исканием веры, но понимавшее ее «узко и наивно» и из-за своей нравственной отсталости и косности уходившее в раскол и ереси. «Темные и наивные умы местного простонародья, — пояснял Дубасов, — по-своему искали Божьей правды и истины, рвались из своих потемков к познанию истинной жизни, неудержимо проявляли религиозные стремления и, таким образом, нечаянно оказывались в рядах врагов господствующей церкви».²⁵³ Значительную часть вины за это он возложил на местное духовенство. Историк пришел к выводу о неспособности церкви осуществлять должный контроль над религиозной жизнью народа вследствие падения ее авторитета, вызванного образом жизни и поведением приходского духовенства. Дубасов отметил, что зачастую оно вело себя «зазорно и гнусно» и поражало прихожан поступками «самого бесцеремонного свойства», усиливая тем самым их религиозные сомнения. В особую вину местному

духовенству он поставил тот факт, что в большинстве случаев оно действовало, исходя не столько из пастырских, сколько из полицейских и узкоэгоистических устремлений. Не удивительно, констатировал Дубасов, что миссионерская деятельность духовенства при этом оказывалась малоэффективной и вызывала лишь «взаимное раздражение».

Анализируя масштабы распространения сектантства на территории края, историк пришел к выводу, что данные духовной консистории на этот счет значительно занижены. Он полагал, что количество сектантов губернии на протяжении XIX в. значительно превышало официальное число в девять тысяч. Определил И.И.Дубасов и районы наибольшего распространения различных видов сектантства, особо отметил, что ими были захвачены почти все уезды, за исключением Липецкого и Усманского. Так, хлыстовство было особенно распространено в Кирсановском и Борисоглебском уездах. Выделившаяся из него во второй половине XVIII в. изуверская секта скопцов нашла своих приверженцев в начале XIX в. в Моршанском и Козловском уездах. Первое появление скопчества в губернии Дубасов относил к 1769 г. (его главой был дьякон с. Сосновка С.Алексеев). Особенностью этого движения стала его широкая социальная база. В нем участвовало не только беднейшее крестьянство, но и представители зажиточных слоев населения. Именно последние в большинстве случаев становились руководителями сект. В этой связи историк привел подробности знаменитого моршанского процесса 1869 г. над скопцами во главе с купцом М.К.Платицыным. Молокане и особо преследовавшиеся царским правительством дубоворы селились в Тамбовском и Козловском уездах. Секта субботников, пополнявшаяся крепостными крестьянами, купцами, мещанами, получила с начала XIX в. наибольшее распространение в Кирсановском уезде.

Значительную часть тамбовского антицерковного движения составляли раскольники. Первоначально они свободно жили в Верхотенской волости, однако в 1685 г. в Тамбовском уезде были устроены заставы и сторожи, препятствовавшие их проникновению в край. Угасание раскольнического движения в крае историк отнес к концу XVIII в., когда старообрядцы стали селиться главным образом в Спасском уезде. Давая оценку раскола в целом, он исходил из его понимания как национальной трагедии русского народа. Для И.И.Дубасова раскол — это «требующее особенного внимания и рассудительного снисхождения» явление, драматизм которого заключается в тяжкой, затянувшейся вражде «людей одной плоти и крови». Гораздо более однозначно его отношение к сектантам. Он обвинял их в «крайней неблаговоспитанности и нравственной распущенности», антиобщественном поведении, однако в то же время отнюдь не одобрял правительственных мер борьбы с сектантами, доходивших до прямой физической расправы. Приведя примеры подобных жестоких методов, историк охарактеризовал их как «стыдные образы издевательства». Единственным возможным способом очищения русской народной религиозной жизни от «самых мрачных и фанатичных ее осложнений» Дубасов считал разумную христианскую проповедь и улучшение условий общественной жизни.

Тот же интерес к особенностям восприятия народом христианского вероучения обусловил обращение членов ТУАК к изучению памятников отреченной литературы. В апокрифах они видели документальное свидетельство трансформации, которую претерпела христианская догматика в массовом религиозном сознании. И.И.Дубасов понимал, насколько широкие возможности предоставляет изучение подобных памятников для исследователя народной жизни, отсюда его регулярные выступления на заседаниях комиссии с анализом произведений отреченной литературы.²⁵⁴ Затрагивает он эту тему и в своих «Очерках»,²⁵⁵ в которых поставлен вопрос о причинах распространения апокрифической литературы. Автор объяснял это явление всеобщей неграмотностью населения при его интуитивной тяге к христианской вере. «И как вообще ни грубы были наши предки, — писал он, — все же в долгие зимние вечера, при свете ярко горящей лучины, они охотно выслушивали рассказы начитанных людей, особенно о чем-либо божественном, и всякому слову, взятому из книги или рукописи, охотно и глубоко верили».²⁵⁶ По предположению Дубасова наиболее популярным религиозным чтением в крае в XVII в. были такие апокрифы, как «Сказание о Чудесах Богородицы» и «Сказание о тайной вечери Господа нашего Иисуса Христа». Достаточно распространен был также «Лусидориос или многоценный бисер» — книга, составленная в форме вопросов и ответов, заключающая в себе многочисленные сведения этнографического, географического, зоологического, космогонического характера. Подобные произведения переписывались немногочисленными грамотными людьми и тщательно хранились, передаваясь из поколения в поколение. Анализ их содержания позволил Дубасову сделать выводы о мирозерцании, уровне развития, укладе внутренней духовной жизни жителей края в XVII-XVIII вв. К образцам народной литературы Дубасов относил и разного рода заговоры и заклинания. Одна из его статей посвящена анализу хранившейся в архиве ТУАК рукописи XVIII в., содержащей так называемые присущные заговоры.²⁵⁷ Значение подобных памятников он видел в том, что они «в известной степени иллюстрируют древнерусское народное мирозерцание и в то же время представляют образцы народно-русской отреченной литературы».

Изучением подобной литературы занимались также В.А.Заринский и Б.Г.Фиксен. Первый из них проанализировал «Лусидориос» и сделал доклад об этом памятнике народного творчества на заседании 3 декабря 1885 г.²⁵⁸ Второй исследовал рукопись под названием «Сказание учителя церковного Иеронима святого о Иуде предателе Господа». Фиксен также издал два варианта апокрифического сказания о рождении Иуды — из рукописного сборника о жизни Христа и со слов некоего пермского крестьянина, опубликованных в «Пермских губернских ведомостях».²⁵⁹

Обращение деятелей ТУАК к теме преломления христианского учения в массовом сознании явилось показателем их стремления к постижению самых разнообразных сторон народной жизни. Разработкой таких малоисследованных тем, как сектантство и апокрифическая литература, комиссия положила начало исследованию местных противочерковных движений. Значительный вклад был внесен ею в обобщение данных о

церковном строительстве в крае и в изучение роли церкви в его общественной и хозяйственной жизни.

5. Генеалогические исследования комиссии

Применительно ко второму периоду деятельности ТУАК можно говорить о появлении в ее научно-исследовательской проблематике новых сюжетов — историко-генеалогических, что соответствовало общему подъему подобного рода исследований на рубеже веков. Усиленное развитие генеалогии в это время было обусловлено рядом факторов. Во-первых, оно было связано с ростом источниковой базы и общим процессом оформления вспомогательных исторических дисциплин, т.е. диктовалось интересами развития исторической науки. Во-вторых, значительную роль играли посылки политического характера. Процессы капиталистической модернизации, не оставлявшие для дворянского сословия места в новой системе социально-экономических отношений, вынуждали его представителей обращаться к истории в попытках обосновать непреходящую значимость высшего сословия в жизни российского общества. В результате характер и содержание генеалогических исследований на рубеже XIX-XX вв. всецело определялись интересами дворянского сословия. Оживлению генеалогических изысканий в немалой степени способствовала подготовка к торжествам, связанным с трехсотлетним юбилеем дома Романовых.

Важным показателем успехов генеалогической дисциплины явилось создание ряда специализированных обществ, ставивших своей задачей выявление, сбор, обработку и публикацию материалов по истории различных родов. Так, с 1898 г. начались заседания Русского генеалогического общества, созданного по инициативе дипломатов и видных представителей русской генеалогической науки А.Б.Лобанова-Ростовского и К.А.Губастова. В 1904 г. по инициативе известного генеалoga, члена Тамбовской УАК Л.М.Савелова было организовано Историко-родословное общество в Москве. Он также впервые в России поставил учебный курс русской генеалогии, читавшийся им для слушателей московского Археологического института в течение 1907-1914 гг.²⁶⁰ Савелов внес значительный вклад в разработку методики генеалогических изысканий, разработал предмет и понятийный аппарат генеалогической науки. Согласно сформулированному им определению, предмет генеалогии подразделяется на две части, отражающие справочно-прикладное значение этой науки и ее роль в развитии собственно исторических исследований. Таким образом, с одной стороны, «внешней», генеалогия — это «построенное на достоверных документах и других источниках, доказательство родства, существующего между лицами, имеющими общего родоначальника или потомка, независимо от общественного положения этих лиц». С другой, генеалогия «есть история того или иного рода во всех проявлениях жизни его представителей, как общественной, так и семейной».²⁶¹ Для Савелова был характерен достаточно демократичный взгляд на предмет генеалогии, которая, как он отмечал, возможна и без аристократического или просто сословного устройства и «служит не только для прояв-

ния барской спеси или для удовлетворения личных мелких инстинктов».²⁶² Не случайно главную задачу генеалoga Савелов видел в собирании конкретных «звеньев, фактов и подробностей из внутренней жизни народа» и в выяснении значения отдельных семейств и личностей в общем ходе исторических и культурных событий жизни народа. В то же время он полагал сословный характер русской генеалогии следствием низкого культурного уровня народной массы, которая, как он ошибочно считал, не может дать генеалogu ни вещественного, ни тем более письменного материала. Подобные взгляды были обусловлены тем, что генеалогические исследования других сословий (буржуазного, купеческого, мещанского, крестьянского) в тот период находились в стадии становления.²⁶³

В развитии генеалогии на рубеже XIX — XX вв. выделяются два основных направления: так называемое справочное, выражающее «вспомогательный» характер родословий, и исследовательское, характеризующееся стремлением к осмыслению генеалогических данных.²⁶⁴ В число общих справочных изданий входили родословия русского дворянства в целом²⁶⁵ и применительно к отдельным регионам.²⁶⁶ Генеалогические разработки Тамбовской комиссии относятся преимущественно ко второму направлению. Их появление в научно-исследовательской проблематике ТУАК, вне всякого сомнения, обусловлено политическими взглядами и научными интересами второго председателя комиссии. По собственному признанию А.Н.Норцова, он пришел к генеалогическим исследованиям неожиданно для самого себя. Однако, учитывая абсолютно-политические убеждения председателя, его обращение к истории дворянских родов представляется более чем закономерным. В отличие от И.И.Дубасова, типичного интеллигента-разночинца, Норцов являлся ярким защитником прав и привилегий дворянства. Разделение общества на сословия он полагал естественным и необходимым следствием невозможности абсолютного равенства, а неукоснительное соблюдение сословиями отведенной им роли рассматривал как основу незыблемости государства. Наилучшим общественным устройством Норцов считал кастовый строй Индии, представлявшийся ему идеалом сбалансированности взаимоотношений сословий. Вообще дворянству он отводил особую роль, характеризуя его как «собрание благороднейших людей, совмещающих с происхождением все высокие нравственные идеалы, величие души, бескорыстие, храбрость и готовность всегда принести в жертву состояние, свободу и жизнь свою на благо страны».²⁶⁷ По мнению Норцова, именно дворянство призвано служить опорой и защитой государственного начала и уже в силу этого стоит впереди и выше всех сословий. Основная обязанность дворянства заключается, по его мысли, в защите вековых традиций, освященных кровью и исторической судьбой, давших России великое прошлое и поставивших ее в один ряд с могущественнейшими державами. Одну из таких традиций Норцов видел в родовом начале, которым, на его взгляд, Россия держалась на протяжении веков. Развивая мысль о неразрывной связи дворянства и самодержавия, он писал, что его судьба «тесно связана с судьбой монархии, в этом состоит его историческая, естественная и нравственная обязанность».²⁶⁸

В самом факте существования высшего сословия А.Н.Норцов видел «идеал, возвышающий человечество», и в силу этого делал вывод о необходимости такого класса, как залога нравственной мощи и величия государства. В то же время, исходя из идеального представления о дворянстве как воплощении рыцарства, долга и чести и не видя этих качеств в современных его представителях, Норцов предъявлял им упрек в вырождении, обмельчании, забвении традиций «идеального, высокого и чистого». В соответствии с понятиями, сложившимися еще в детстве при чтении романтической литературы, он утверждал, что вследствие господства реализма человек превратился в «исключительно вниз смотрящее существо», а это в свою очередь привело к упадку интеллектуального и нравственного состояния общества. В этой связи ему представлялось важным найти образцы для подражания в представителях прошлого дворянства. Для начала Норцов занялся изучением истории собственной фамилии. По признанию автора, первоначально его работа предполагалась для «внутреннего использования», однако по совету коллег он решил опубликовать ее на страницах «Известий» ТУАК. К этому времени Норцов уже задумал создание обширного четырехтомного генеалогического труда, который должен был включать в себя материалы по истории тамбовского, пензенского и саратовского дворянства, преимущественно породненных с Норцовыми фамилий, а также процессу помещичьей колонизации края. Однако реализовать удалось лишь часть обширного плана — в свет вышел всего один том.²⁶⁹ В основу исследования были положены многочисленные источники из МАМЮ, исторического архива ТУАК, архивов дворянских депутатских собраний Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Симбирской, Нижегородской, Харьковской губерний, фамильных документальных собраний, а также устные сведения, сообщенные автору родственниками и отдельными исследователями (Л.М.Савеловым, П.И.Бартеневым, Н.Ф.Дубровиным, В.Х.Хохряковым, И.А.Линниченко, А.Н.Минхом и др.). Норцов использовал также документальные материалы, опубликованные в журналах «Русский архив» и «Русская старина».

Свой труд А.Н.Норцов разбил на две части. В первой рассматривается история фамилий, родственных автору по материнской линии — Мартыновых и Слепцовых. Автор описал их происхождение, привел поколенные росписи (в 12 коленах для Мартыновых и 16 для Слепцовых), геральдические данные, а также биографии наиболее известных представителей этих родов, таких как писатель В.А.Слепцов, генерал-майор Н.П.Слепцов и др. Особое внимание Норцов уделил описанию жизни Н.С.Мартынова, приходившегося двоюродным братом его бабке Е.Д.Слепцовой. При этом он высказал собственное мнение об обстоятельствах дуэли своего дальнего родственника с М.Ю.Лермонтовым, исходя из убеждения в том, что «в вопросах чести ни гения, ни бездарности не существует, а есть только человек и его доброе имя».²⁷⁰ На этом основании он отвел убийце поэта роль «слепого орудия Провидения». Вторая часть труда включает родословные более чем семидесяти родственных Норцовым родов. Автор снабдил свой труд многочисленными приложениями в виде публикаций документальных источников и воспоминаний, часть которых была

напечатана впервые (например, акты Слепцовых XVII в.), а также списка уездных и губернских предводителей тамбовского дворянства. Здесь же впервые увидели свет сочинения Н.С.Мартынова — поэмы, стихотворения, переводы, начальный фрагмент повести. Издание было дополнено указателями личных имен и географических названий, родословными таблицами, многочисленным иллюстративным материалом в виде рисунков дворянских гербов, портретов и автографов.

Немаловажное место истории тамбовского дворянства отводилось в разработанном А.Н.Норцовым, но так и не реализованном проекте коллективного труда по истории Тамбовского края. Истории местного высшего сословия в программе был посвящен отдельный, восьмой раздел. В январе 1901 г. председатель ТУАК направил свой проект в адрес Русского генеалогического общества, членом которого он являлся с 1900 г., с просьбой рассмотреть его и дополнить. Он также адресовал В.В.Руммелю ряд вопросов, консультацию по которым хотел получить у руководства общества. Норцова, в частности, интересовали сведения о тамбовских масонах, вопросы о целесообразности составления генеалогического словаря и праве ТУАК на публикацию документов политического характера, связанных с деятельностью местных дворян — участников декабристского движения. Заботила автора программы и необходимость освещения щекотливых моментов во взаимоотношениях между двумя сословиями — дворянами и крестьянами. Впрочем, его позиция по этому вопросу была сформулирована вполне однозначно: «По вопросам об отношениях между дворянами и крестьянами, не касаясь тех отрицательных сторон, которые всегда имеют характер инсинуаций, я намерен выставить только одни хорошие светлые стороны и заслуги вообще дворян, как для своего местного края, так и по отношению к населению, и смею думать, что число таких лиц будет почтенное».²⁷¹ В своем ответе Руммель вполне поддержал тамбовского историка, указав на то, что «все отрицательные явления были несомненно редкими исключениями» и посоветовал приступить к составлению генеалогического словаря, который будет иметь большое научное значение. Касаясь возможной публикации документов декабристов, он подчеркнул, что как Русское генеалогическое общество, так и ТУАК подчинены действию цензурных правил, установленных законами по отношению к изданию исторических документов.²⁷² В целом руководство общества признало программу Норцова обстоятельной и не нуждающейся в дополнении.

А.Н.Норцову удалось привлечь к сотрудничеству с комиссией известных отечественных специалистов в области генеалогии. Так, в 1905 г. на страницах «Известий» ТУАК поместил свою заметку Л.М.Савелов.²⁷³ На основе документальных материалов из МАМЮ, а также опубликованных летописных источников Савелов воссоздал историю тамбовской ветви своего рода. Бывший товарищ министра иностранных дел, тамбовский дворянин и член ТУАК К.А.Губастов опубликовал в «Известиях» родословие тамбовской ветви рода Бланков, проследив его развитие с 1708 г. до начала XX в.²⁷⁴ Сотрудничавший с ТУАК В.С.Арсеньев представил поколенные росписи нескольких родов: Арсеньевых (внуком одного из них —

елецкого дворянина М.В.Арсеньева — являлся М.Ю.Лермонтов), Шаблыкиных, Бюцовых, Волжиных, графов Кенсон, Шамборан, Санти, маркизов де ла Губле.²⁷⁵ В отличие от Норцова и Савелова Арсеньев ограничился публикацией генеалогических росписей по коленам без приложения исторических справок и биографических сведений. Он поместил описания гербов и родовых девизов, а также напечатал ряд документов, имевших отношение к истории некоторых родов. Его генеалогические заметки были подвергнуты в «Историческом вестнике» критике за неполноту и неточность.²⁷⁶

ТУАК практиковала также переиздание отдельных генеалогических трудов, выходивших ранее. Так, в «Известиях» было опубликовано изданное в 1792 г. исследование «Историческое родословие благородных дворян Чичериных, собранное из достоверных сведений игуменом Юлианом Воейковым», дополненное и уточненное на основе вновь открывшихся фактов А.Н.Норцовым.²⁷⁷ В качестве справочного пособия был напечатан библиографический указатель по истории ряда фамилий тамбовского дворянства, составленный И.М.Картавцовым²⁷⁸ по образцу «Библиографического указателя по генеалогии Тульского дворянства» Л.М.Савелова. Подобного рода указатели были подготовлены автором также для курского и псковского дворянства.

Деятельность ТУАК в области генеалогических исследований не была особенно широкой. Из тамбовских историков эта область интересовала, главным образом А.Н.Норцова, внесшего в нее свой вклад в виде объема труда по истории тамбовского, саратовского и пензенского дворянства. Остальные опубликованные в «Известиях» генеалогические работы принадлежали иногородним членам комиссии, привлеченным к сотрудничеству с ней председателем ТУАК.

В заключение следует констатировать, что на протяжении своей истории Тамбовская комиссия проявляла очевидное стремление не ограничивать свою деятельность созданием губернского исторического архива, но по мере сил и возможностей заниматься научной разработкой его документальных материалов. На основе поступавших в архив источников было написано подавляющее большинство очерков и исследований, опубликованных в «Известиях» ТУАК. В то же время следует признать, что процесс научной обработки и интерпретации заложенного в архивных материалах комиссии массива ретроспективной информации не успевал за темпами ее увеличения. Это обстоятельство объясняется известной ограниченностью научно-исследовательского потенциала комиссии. Подобно большинству ТУАК, при всей многочисленности их состава, научной работой в Тамбовской комиссии с различной степенью активности за все время ее существования занимались немногим более тридцати человек. К их числу принадлежали И.И.Дубасов, А.Н.Норцов, П.А.Дьяконов, П.И.Пискарев, М.Г.Розанов, Р.П.Ситовский, И.В.Знаменский, И.В.Попов, М.Г.Попов, Ф.С.Соколов, Б.Г.Фиксен, В.А.Сысоев, Н.И.Орлов, Д.В.Ильченко, В.В.Соловский, А.А.Курбатов, П.А.Верещагин, И.А.Аносов, И.Ф.Токмаков, В.В.Воейков, А.А.Щеголев, П.Л.Киреев, А.Ф.Можаровский, В.В.Лебедев, А.И.Сатин, М.Ф.Николаевский,

П.Н.Черменский, А.И.Самозветов, П.Г.Тарасов, Н.Н.Ларин, В.И.Конобеевский, Н.Я.Жданович, В.А.Разумов, С.Н.Введенский, Б.П.Княжинский. Определенный вклад в разработку тех или иных проблем истории края внесли А.В.Проскурников, Д.Поспелов, А.А.Рор, Г.П.Петерсон, В.А.Заринский, П.В.Никольский, И.М.Картавцов.

Первый период деятельности комиссии прошел под знаком усиленного внимания к историческому творчеству народных масс, изучения их повседневной жизни, что было обусловлено взглядами ее первого председателя на предмет исторического исследования. «Не одни битвы и трактаты, — писал И.И.Дубасов, — составляют серьезную тему русской истории. Я полагаю и полагаю, что будничная, ежедневная народная жизнь с ее злорадиями и ее массовыми интересами, где бы она ни развивалась: в центре или в глуши и на окраинах, есть наиболее важный предмет для историка-исследователя».²⁷⁹ В своих работах деятели комиссии подняли широкий спектр социально-экономических проблем, включенных ими в обобщающее понятие «бытовая история». В его рамках они исследовали положение отдельных слоев населения и их взаимоотношения, хозяйственное освоение края, состояние местного здравоохранения и просвещения, проявили заметный интерес к теме социальной несправедливости, рассмотрели целый ряд крестьянских выступлений и движений. На втором этапе характер деятельности комиссии в целом, равно как и выбор проблематики и методов научного исследования, во многом определялся установками дворянской историографии. Значительным было внимание деятелей ТУАК на протяжении всей ее истории к историко-церковной проблематике.

Наиболее изученным в трудах комиссии оказался период XVII-XVIII вв. Менее исследована предыстория края, что находилось в прямой связи со слабой изученностью его в археологическом плане (особенно применительно к эпохе палеолита). Недостаточно разработана также история Тамбовщины в XIX в. Из исторических событий этого времени комиссия сосредоточила свой интерес на эпохе Отечественной войны 1812 г., что было связано с празднованием ее столетнего юбилея.²⁸⁰ Остальные вехи, даже такие значительные, как проведение буржуазных реформ, остались за пределами ее внимания. Не получили отражения в работах тамбовских историков и вопросы развития общественных движений. Между тем другие комиссии, например, Рязанская, достаточно активно разрабатывали историю земского движения. В то же время заслуживает внимания попытка членов ТУАК развивать историографическое направление исследований. Так, И.А.Аносов в связи с предпринятым комиссией переизданием некоторых сочинений С.А.Березнеговского написал предисловие, в котором воспроизвел биографию тамбовского историка и дал оценку его трудам.²⁸¹ Н.В.Ларин и А.А.Щеголев посвятили свои небольшие исследования жизни и творчеству соответственно Г.В.Хитрова²⁸² и П.И.Пискарева и И.И.Дубасова.²⁸³

В условиях господства позитивистской методологии деятели ТУАК, занимавшиеся изучением отдельных аспектов местной истории, не смогли обобщить их и создать фундаментальный труд по истории края. Этот факт

с сожалением признавали и сами тамбовские историки. П.Н.Черменский в 1911 г. писал о том, что «комиссия накопила много фактов, но никто не связал их научно, не разработал критически».²⁸⁴ Рутинная работа по выявлению исторических фактов из многочисленных пластов архивных материалов не оставляла времени и сил для написания обобщающих трудов. В этой связи провинциальные архивисты справедливо рассматривали свою научно-исследовательскую работу как подготовительный этап для будущих поколений историков, призванных с учетом результатов их деятельности воссоздать полную и адекватную картину региональной истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии в России. Нижний Новгород, 1991. С.18.
- ² ИТУАК. Вып.44. С.128.
- ³ Журнал общего собрания Тамбовской архивной комиссии 3 ноября 1884 г. Тамбов, 1884. С.2.
- ⁴ ИТУАК. Вып.33. С.11.
- ⁵ ИТУАК. Вып.20. Прил.1. С.1.
- ⁶ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. С.16.
- ⁷ Шапов А.П. Великорусские области и Смутное время (1606-1613) // Отечественные записки. 1861. № 10. С.580.
- ⁸ См.: Митрофанов Н.Н. В.Г.Короленко и Нижегородская архивная комиссия // Труды МГИАИ. М., 1961. Т.16. С.284.
- ⁹ ИТУАК. Вып.23. С.1.
- ¹⁰ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.111.
- ¹¹ Дьяконов П.А. Бедствия Шацкой провинции в 1774 г. // ИТУАК. Вып.33. С.25.
- ¹² Аносов В.М. Призренский протоиерей Стефан Березнеговский // ИТУАК. Вып.55. С.1.
- ¹³ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.111.
- ¹⁴ ИТУАК. Вып.8. С.3-4.
- ¹⁵ Шапов А.П. Указ. соч. С.518.
- ¹⁶ Дубасов И.И. О строении города Козлова // ИТУАК. Вып.42. С.18.
- ¹⁷ Черменский П.Н. Очерки по истории колонизации Тамбовского края // ИТУАК. Вып.54. С.188.
- ¹⁸ ИТУАК. Вып.54, ч.2. С.98.
- ¹⁹ Празднование двадцатипятилетия Саратовской губернской ученой архивной комиссии. Саратов, 1911. С.22.
- ²⁰ Короленко В.Г. «Дело об описании прежних лет архивы» сто лет назад и в наше время. Нижний Новгород, 1895. С.9.
- ²¹ Рец. на: Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. М., 1883. Вып.1-2 // ВЕ. 1884. № 4. С.861.
- ²² Черменский П.Н. Очерки по истории колонизации Тамбовского края. С.189
- ²³ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Петрозаводск, 1996. С.9.
- ²⁴ Короленко В.Г. Указ. соч. С.8.
- ²⁵ Цит. по: Архангельский С.И. Основы и метод краеведной работы А.С.Гацисского (1838-1893) // Краеведение. 1929. № 10. С.588.
- ²⁶ Савелов Л.М. Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте. М., 1994. С.1.
- ²⁷ Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т.1, кн.1. С.29.
- ²⁸ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. М., 1883. Вып.1-2; 1884. Вып.3; Тамбов, 1887. Вып.4; 1889. Вып.5; 1897. Вып.6.
- ²⁹ См.: РГАДА. Ф.180. Оп.7. Д.3807. Л.30; Д.3929. Л.16 об.; Д.3850. Л.9 об.; Д.4090. Л.9; Д.4092. Л.5 об.; Д.4165. Л.135; Ф.337. Оп.1. Д.715. Л.45.
- ³⁰ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. 1887. Вып.4. С.1.
- ³¹ И.Б./Белов И.И. Рец. на: Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. М., 1883. Вып.1 // ИВ. 1884. № 3. С.659.
- ³² Белов И. Рец. на: Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. М., 1884. Вып.3 // ИВ. 1885. № 1. С.436.
- ³³ Рец. на: Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. М., 1883. Вып.1-2 // ВЕ. 1884. № 4. С.861.

³⁴ См.: [Мизис Ю.А.]. Краевед земли Тамбовской // Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.11.

³⁵ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. 1884. Вып.3. С.2.

³⁶ Рец. на: Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. М., 1883. Вып.1 // Наблюдатель. 1884. № 8. С.50.

³⁷ Рец. на: Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. М., 1883. Вып.1-2 // РМ. 1884. № 7. С.23. отд. паг.

³⁸ См.: Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. 1884. Вып.3. С.6.

³⁹ Там же. С.7.

⁴⁰ ОР РНБ. Ф.874. Оп.1. Д.36. Л.161.

⁴¹ НИОР РГБ. Ф.239. К.8. Д.116. Л.3 об.

⁴² ОР РНБ. Ф.874. Оп.1. Д.45. Л.227,229.

⁴³ РГАЛИ. Ф.637. Оп.1. Д.79. Л.101.

⁴⁴ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. 1884. Вып.3. С.3.

⁴⁵ См.: Черменский П.Н. Очерки по истории колонизации Тамбовского края. С.270; *он же*. Состояние и перспективы изучения культурной истории и современной культуры Тамбовского края // Известия общества изучения природы и культуры местного края. Тамбов, 1928. Вып.3. С.82.

⁴⁶ Норцов А.Н. Проект программы истории Тамбовского края // ИТУАК. Вып.44. С.117-119.

⁴⁷ ГАТО. Ф.153. Оп.1. Д.32,40,41.

⁴⁸ Там же. Д. 40. Л.61.

⁴⁹ Норцов А.Н. Хронология событий Тамбовского края // ИТУАК. Вып.56, ч.1. С.83-100.

⁵⁰ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн.II. С.648.

⁵¹ Исторический взгляд на Тамбовскую губернию: первоначальное ее заселение и постепенное основание в ней городов // ТГВ. 1854. 18, 25 сентября, 2 октября; Материалы для истории бывшего города Доброго, что ныне село в Лебелянском уезде // ТГВ. 1855. 10, 17 декабря; *Тростянский Д.* Краткий очерк Тамбовской губернии // Памятная книжка Тамбовской губернии на 1876 г. Тамбов, 1876. С.1-50; *Рейтаров Н.* Город Темников и его уезд // Там же. С.1-19 отд. паг.; То же // Памятная книжка Тамбовской губернии на 1879 г. Тамбов, 1879. С.63-124; *Боголюбов А.* Историческое описание села Нелжи Тамбовской губернии Усманского уезда // ТЕВ. 1874. № 18; *Зеленев М.* Село Верхочестье Тамбовского уезда // ТЕВ. 1875. № 6; *Чижов И.* Бывший город Романов // ТЕВ. 1876. № 13-14; *Спаский И.* Село Александровка, что на Суале, Тамбовского уезда // ТЕВ. 1877. № 15,18; *Добротин В.* Село Дмитриев Усад // ТЕВ. 1878. № 19.

⁵² *Б-ий П.* [Березнеговский С.А.]. Несколько исторических известий об обстоятельствах, предшествовавших заложению города Тамбова, его постройке и населению // ТГВ. 1851. 20, 27 октября, 3 ноября; *он же*. Замечания на некоторые места исторического описания Тамбовской губернии // ТГВ. 1860. 25 июня, 2, 9, 16, 23, 30 июля, 6, 13 августа; *Феоктистов В.Х.* Историческое описание Тамбовской губернии // ТГВ. 1859. 3, 10, 17, 24, 31 октября, 21, 28 ноября, 19, 26 декабря; 1860. 2, 9, 16, 23, 30 января, 6, 27 февраля, 5, 12 марта; *он же*. Статистическое описание Тамбовской губернии: Географическое и топографическое ее описание // ТГВ. 1859. 21 марта, 25 апреля; *Хитров Г.В.* Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861.

⁵³ *Багалей Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. Т.1. С.XVI.

В советской историографии взгляды Д.И.Багаля были подвергнуты критике. Выдвинутая в противовес его концепции теория утверждала приоритет волевой народной колонизации над государственной. По словам М.Н.Тихомирова, «без поддержки населения, без его непрерывного поступательного движения на юг дикое поле осталось бы незаселенным и новые города стояли бы одиноко» (*Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С.420). В последние десятилетия появился новый взгляд на проблему, исходящий из стремления избежать крайностей двух противоположных точек зрения. Его сторонником являлся В.П.Загоровский, справедливо полагавший, что однозначная оценка данного процесса без глубокого изучения истории заселения конкретных географических районов в принципе не может быть корректной. Он пришел к выводу о том, что колонизационный процесс нельзя представлять как прямолинейный и равномерный, равно как и волевою народную колонизацию не всегда следует противопоставлять правительственной (См.: *Загоровский В.П.* О некоторых принципиальных вопросах истории заселения Центрального Черноземья в XVI-XVII веках // История заселения и социально-экономического развития Центрального Черноземья. Воронеж, 1991. С.5-6).

⁵⁴ *Багалей Д.И.* Указ. соч. Т.1. С.131.

⁵⁵ *Норцов А.Н.* О некоторых фактах исключительно тамбовского характера // ИТУАК. Вып.44. С.163.

⁵⁶ *Чекалин Ф.Ф.* Мещера и буртасы по сохранившимся о них памятникам // Труды Восьмого Археологического съезда в Москве. 1890. М., 1897. Т.III. С.65-74.

⁵⁷ Там же. 1897. Т.IV. С.114-115.

⁵⁸ Подобная точка зрения обосновывается в работах А.Л.Монгайта и С.А.Токарева. Монгайт предложил употреблять термин «мещера» в отношении отличного от мери и мордвы чудского

племени в районе Рязанской земли. Токарев пишет о мешере как об обрусевшей впоследствии угрозычичьей народности, а также допускает связь этого этнонима с самоназванием венгров («мадьары»). Однако есть и другие мнения. Н.Б.Бахилина, например, относит мешеру к южнорусским народностям (См.: *Балакин Д.В.* Мешерские села: историография вопроса // II Всесоюзная конференция по историческому краеведению. Пенза, 1989. С.89,90).

⁵⁹ Современные исследователи установили, что территория расселения мешеры примыкала к области мордвы в пределах нынешних Нижегородской, Рязанской, Тамбовской и Пензенской областей. Их выводы не противоречат положениям И.И.Дубасова (См.: *Балакин Д.В.* Территория расселения мешеры // Наш край Тамбовский. Тамбов, 1991. С.4-6).

⁶⁰ *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.290.

⁶¹ *Савельев А.А.* Старинные акты на церковные земли при селе Моляксе Ардатовского уезда Нижегородской губернии // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1889. Т.1. С.110.

⁶² *Токмаков И.Ф.* Историко-статистическое и археологическое описание села Малого Пичаево (Моршанский уезд, Тамбовская губерния). М., 1902. С.3.

⁶³ *Березнеговский С.А.* Несколько исторических известий об обстоятельствах, предшествовавших заложению г. Тамбова, его постройке и населению // ИТУАК. Вып.55. С.36.

⁶⁴ *Хитров Г.В.* Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. С.14.

⁶⁵ *Черменский П.Н.* Очерки по истории колонизации Тамбовского края. С.222.

⁶⁶ См.: *Смирнов И.Н.* Мордва: Историко-этнографические. Казань, 1892. С.604. Современные исследователи также опровергают мнение П.Н.Черменского. Так, Ю.А.Мизис доказывает, что мордва продолжала занимать в составе местного населения в XVI в. значительный удельный вес — более 60 % (См.: *Мизис Ю.А.* Заселение Тамбовского края в XVII-XVIII веках. Тамбов, 1990. С.14.)

⁶⁷ *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.289.

⁶⁸ *Дубасов И.И.* Из Тамбовских летописей // ИВ. 1880. № 9. С.120-145; № 10. С.320-330; *он же.* Летописные известия в Тамбовском крае // ИТУАК. Вып.4. С.817; *он же.* О колонизации Тамбовского края // ИТУАК. Вып.14. Прил.1. С.6-10; *он же.* К истории вотчин Новоспасского монастыря в Тамбовском крае // ИТУАК. Вып.15. С.7-9; *он же.* К истории Мамонтовой пустыни // ИТУАК. Вып.14. С.5-8; *он же.* Из истории инородческого землевладения в России // РО. 1890. № 3. С.252-266; *он же.* О тамбовском русском и инородческом землевладении в XVII в. // ИТУАК. Вып.26. С.57-64; *он же.* К истории окраинно-русского быта и колонизации XVII-XVIII веков // РО. 1892. № 5. С.269-291; *он же.* Строение валовых и деревянных крепостей по тамбовской и козловской сторожевой черте // ИТУАК. Вып.33. С.17-19; *он же.* О просветительно-колонизаторской деятельности тамбовских монастырей // ИТУАК. Вып.35. С.32-34 отд. паг.; *он же.* О развитии поселений в нашем крае в XVII и XVIII веках, о царских служилыхах и боярских вотчинах и вольных поселенцах // Там же. С.31-42 отд. паг.; *он же.* О строении города Козлова // ИТУАК. Вып.42. С.18-23; *он же.* О состоянии Тамбовского края в начале прошлого столетия // ИТУАК. Вып.35. С.25-30.

⁶⁹ *Черменский П.Н.* Очерки по истории колонизации Тамбовского края // ИТУАК. Вып.54. С.187-271; *он же.* Донские вотчины бояр Романовых // ИТУАК. Вып.57, ч.1. С.43-91.

⁷⁰ *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.79.

⁷¹ *Дубасов И.И.* О сторожевой службе Тамбовского края // ИТУАК. Вып.44. С.40.

⁷² *Дубасов И.И.* Из Тамбовской бытовой истории XVI-XVIII веков // ИВ. 1891. № 9. С.699.

⁷³ См.: *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации. М., 1996. С.299.

⁷⁴ См.: *Березнеговский С.А.* В каком уезде Тамбовской губернии лежит Космина Гать, на которой стоял станом Мамай перед Куликовской битвой // ИТУАК. Вып.55. С.291-306.

⁷⁵ *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.290.

⁷⁶ *Норцов А.Н.* О некоторых фактах исключительно тамбовского характера. С.163-165.

⁷⁷ *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.300.

⁷⁸ Там же. С.301.

⁷⁹ *Дубасов И.И.* Из тамбовских былей // РА. 1900. № 3. С.427.

⁸⁰ *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.303.

⁸¹ Там же. С.308.

⁸² Там же. С.176.

⁸³ *Дубасов И.И.* О просветительно-колонизаторской деятельности тамбовских монастырей. С.32.

⁸⁴ Современные исследователи отводят монастырям в деле освоения Тамбовского края гораздо более скромную роль. Так, Е.А.Швецова, признавая участие монастырей в вытеснении мордвы с ее исконных земель, отмечает, что в целом они не сыграли сколько-нибудь значительной роли в социально-экономической жизни края (См.: *Швецова Е.А.* Колонизация Тамбовского уезда в XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 г. Кишинев, 1966. С.211). Ю.А.Мизис утверждает, что роль монастырей в освоении тамбовских земель «оставалась незначительной и намного уступала вольной мордовской и русской колонизации» (*Мизис Ю.А.* Тамбовская черта и заселение Тамбовского уезда в XVII веке: Автореферат дис. канд. ист. наук. Воронеж, 1983. С.10).

⁸⁵ *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.311.

⁸⁶ *Дубасов И.И.* К истории Чернеева монастыря // ИТУАК. Вып.13. С.4-7.

⁸⁷ *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.328.

⁸⁸ *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества // *Иловайский Д.И.* Соч. М., 1884. Т.1. С.75.

⁸⁹ *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.334.

⁹⁰ Там же. С.176.

⁹¹ *Дубасов И.И.* О тамбовском русском и инородческом землевладении в XVII веке. С.62.

⁹² *Петерсон Г.П.* Инородцы-помещики Керенского уезда в XVIII веке // ИТУАК. Вып.14. С.88-94.

⁹³ *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.317.

⁹⁴ *Дубасов И.И.* О тамбовском русском и инородческом землевладении в XVII веке. С.61.

⁹⁵ *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.321.

⁹⁶ Там же. С.327.

⁹⁷ *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С.238.

⁹⁸ *Черменский П.Н.* Очерки по истории колонизации Тамбовского края. С.207.

⁹⁹ Там же. С.220.

¹⁰⁰ Там же. С.240.

¹⁰¹ А.И.Гамаионов объясняет возникновение этого мифа искусственным соединением двух патронимов: Романовского леса, действительно находившегося в границах названной территории, и имени боярина (См.: *Гамаионов А.И.* Еще раз о лебедянской вотчине Романовых // Наш край Тамбовский. Тамбов, 1991. С.6).

¹⁰² *Черменский П.Н.* Донские вотчины бояр Романовых. С.68-69.

¹⁰³ *Гамаионов А.И.* Указ. соч. С.8.

¹⁰⁴ *Черменский П.Н.* Очерки по истории колонизации Тамбовского края. С.257.

¹⁰⁵ Там же. С.271.

¹⁰⁶ *Норцов А.Н.* Тамбовская и Козловская сторожевая черта // ИТУАК. Вып.44. С.134-155.

¹⁰⁷ Там же. С.141.

¹⁰⁸ *Рор А.А.* О вале Козловского уезда между с. Бельским и Моковицами // ИТУАК. Вып.44. С.159-162.

¹⁰⁹ *Норцов А.Н.* Археологические особенности Тамбовского края // ИТУАК. Вып.45. С.50-58; *он же.* Археологическая поездка по Темниковскому уезду // Там же. С.1-49.

¹¹⁰ См.: *Березнеговский С.А.* Замечания о названии г. Кадомы // ИТУАК. Вып.55. С.86-89.

¹¹¹ *Березнеговский С.А.* Замечания на некоторые места исторического описания Тамбовской губернии // ИТУАК. Вып.55. С.95. Современные исследователи истории края также по-разному определяют дату основания Шацка. Ю.А.Мизис и Н.В.Муравьев указывают на 1553 г., Л.И.Чуистова — на 1552 г. (См.: *Мизис Ю.А.* Заселение Тамбовского края в XVII-XVIII веках. С.11; *Муравьев Н.В.* Из истории возникновения населенных пунктов Тамбовской области. Воронеж, 1988. С.5; *Чуистова Л.И.* Древнейшее население Тамбовщины. Тамбов, 1982. С.96).

¹¹² *Розанов М.Г.* Об архивных занятиях в г. Елатье // ИТУАК. Вып.10. С.16-21.

¹¹³ *Княжнинский Б.П.* Воеводы города Усмани XVII столетия // ИТУАК. Вып.57, ч.1. С.247-277.

¹¹⁴ *Загоровский В.П.* Белгородская черта. С.113,130.

¹¹⁵ *Фигсен Б.Г.* Укрепления города Тамбова в 1659 г. // ИТУАК. Вып.42. С.24-26.

¹¹⁶ *Кокобеёвский В.И.* Тамбовская страна и цари дома Романовых // ИТУАК. Вып.57. С.120-130.

¹¹⁷ Журналы 91-102 заседаний Тамбовской ученой архивной комиссии (сентябрь 1901 — июль 1902 г.) и отчет о деятельности комиссии за 1901 г. Тамбов, 1902. С.35.

¹¹⁸ См.: *Загоровский В.П.* Белгородская черта. С.25.; Липецкий энциклопедический словарь. Липецк, 1994. С.240.

¹¹⁹ *Норцов А.Н.* Археологические особенности Тамбовского края. С.53.

¹²⁰ *Сатин А.И.* Из археологии г. Лебедяни // ИТУАК. Вып.13. С.61-65.

¹²¹ Там же. С.96.

¹²² *Черменский П.Н.* Донские вотчины бояр Романовых. С.43-91; *он же.* Город Лебедянь и его уезд в XVII в.: (К трехсотлетию г. Лебедяни). СПб., 1913.

¹²³ *Черменский П.Н.* Очерки истории колонизации Тамбовского края. С.274

¹²⁴ *Черменский П.Н.* Донские вотчины бояр Романовых. С.58; *он же.* Город Лебедянь и его уезд в XVII в. С.13.

¹²⁵ *Дубасов И.И.* Бытовые черты из прошлого нашего края // ИТУАК. Вып.34. С.27-37.

¹²⁶ *Токмаков И.Ф.* Указ. соч.

¹²⁷ *Разумов В.А.* Село Ростощи Борисоглебского уезда, его храмы, священно-церковно-служители и прихожане: (Историко-статистические, биографические и бытовые очерки). Тамбов, 1907.

¹²⁸ *Феохтистов В.Х.* Замечания на некоторые места исторического описания Тамбовской губернии // ИТУАК. Вып.55. С.59.

¹²⁹ *Розанов М.Г.* Република об ученой экспедиции Гмелина // ИТУАК. Вып.34. Отд.1. С.50-58.

¹³⁰ *Курбатов А.А.* Из дневной записки пешехода Саратовского церковника из г. Саратова до Киева по разным городам и селам // ИТУАК. Вып.37. С.22-26.

- ¹³¹ Минх А.Н. Путевые заметки от Москвы до с. Колена 1869 г. // ИТУАК. Вып.50, ч.2. С.1-22.
- ¹³² См.: Шавелев С.П. Вопросы теории и методики в археологических трудах Д.Я.Самоквасова // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991. [Вып.1]. С.30.
- ¹³³ ИТУАК. Вып.1. С.2.
- ¹³⁴ Савелов Л.М. Лекции по русской генеалогии... С.6.
- ¹³⁵ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1990. Кн.1. С.36.
- ¹³⁶ Дубасов И.И. Из окраинно-русской бытовой истории XVII в. // РО. 1890. № 6. С.750-764; *он же*. Быт тамбовских людей XVII и XVIII вв. // ИТУАК. Вып.29. С.9-13; *он же*. Из Тамбовской бытовой истории XVI-XVIII веков // ИВ. 1891. № 9. С.697-708; *он же*. Черты окраинно-русского быта XVII и XVIII века // РО. 1891. № 9. С.182-209; *он же*. К истории окраинно-русского быта и колонизации XVII-XVIII веков // РО. 1892. № 5. С.269-291; *он же*. Бытовые черты Шацкого края по писцовым книгам вотчин великой инокини Марфы Ивановны // ИТУАК. 1892. Вып.33. Отд.1. С.20-23; *он же*. Некоторые бытовые черты из жизни прошлого Тамбовского края // ИТУАК. Вып.34. С.27-37; *он же*. Тамбовский быт XVII века // ИТУАК. Вып.36. С.20-33; *он же*. О некоторых бытовых чертах XVII и XVIII веков // ИТУАК. Вып.35. С.7-15; *он же*. Бытовые черты нашего края в начале XVIII столетия // ИТУАК. Вып.37. С.24-30; *он же*. Тамбовский быт XVII века // ИТУАК. Вып.29. 1895. С.20-23; *он же*. О Шацкой провинции в 30-х годах прошлого века: очерки Тамбовского быта XVII и XVIII веков // ИВ. 1896. № 9. С.159-172; *он же*. К бытовой истории Тамбовского края XVII и XVIII столетий // ИВ. 1897. № 7. С.159-172.
- ¹³⁷ Розанов М.Г. О состоянии Тамбовского края в начале прошлого столетия // ИТУАК. Вып.35. С.25-30.
- ¹³⁸ Дьяконов П.А. Бытовые картинки по архивным делам // ИТУАК. Вып.26. С.56-70; *он же*. Бытовые картинки по архивным документам // ИТУАК. Вып.31. С.16-19; *он же*. Бытовые картинки // ИТУАК. Вып.32. С.24-31; Вып.35. С.43-47.
- ¹³⁹ Аносов И.А. Две иллюстрации к бытовой истории Шацкого края // ИТУАК. Вып.57. С.278-286.
- ¹⁴⁰ Дубасов И.И. Тамбовский край в конце XVIII и начале XIX столетий // ИВ. 1884. № 10. С.103.
- ¹⁴¹ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.390.
- ¹⁴² Там же. С.138.
- ¹⁴³ Там же. С.349.
- ¹⁴⁴ Там же. С.147.
- ¹⁴⁵ Пискарев П.И. Челобитие Булатовских крестьян на именитого человека Г.Д.Строганова // ИТУАК. Вып.11. С.1-3.
- ¹⁴⁶ Дьяконов П.А. Бытовые картинки по архивным документам. С.16-19.
- ¹⁴⁷ Дубасов И.И. Тамбовский край в конце XVIII и начале XIX столетий // ИВ. 1887. № 9. С.572.
- ¹⁴⁸ Аносов И.А. Две иллюстрации к бытовой истории Шацкого края. С.278.
- ¹⁴⁹ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.112.
- ¹⁵⁰ Там же. С.124.
- ¹⁵¹ Дубасов И.И. Тамбовские депутаты 1767 г. // ИТУАК. Вып.43. С.18-25.
- ¹⁵² Дьяконов П.А. Бытовые картинки по архивным документам. С.16-19.
- ¹⁵³ См.: Дубасов И.И. О тюремных сидельцах в Шацком уезде // ИТУАК. Вып.12. С.3-7.
- ¹⁵⁴ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.214.
- ¹⁵⁵ РГАДА. Ф.1628. Оп.1. Д.6. Л.3.
- ¹⁵⁶ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.366.
- ¹⁵⁷ Там же. С.392.
- ¹⁵⁸ Дубасов И.И. Бытовые черты Тамбовского края в начале XVIII столетия // ИТУАК. Вып.38. С.44-49.
- ¹⁵⁹ Введенский С.Н. Один из многих: Дело о «непристойных словах» в Тамбовском крае // ИВ. 1901. № 10. С.230-233.
- ¹⁶⁰ Курбатов А.А. Судовая повинность в Воронежском крае в XVII столетии // ИТУАК. Вып.39. Отд.1. С.56-63.
- ¹⁶¹ Дьяконов П.А. Участие Тамбовского края в деле образования Азовского порта // ИТУАК. Вып.24. С.9.
- ¹⁶² ИТУАК. Вып.32. С.4.
- ¹⁶³ Кудрявцев. Народные песни Липецкого и Усманского уездов // ИТУАК. Вып.57. С.290-302.
- ¹⁶⁴ Введенский С.Н. Из истории волшебства и суеверий в Тамбовской крае XVII в. // ИТУАК. Вып.51, ч.2. С.65-81.
- ¹⁶⁵ Можаровский А.Ф. Отголоски старины и народности. Тамбов, 1903.
- ¹⁶⁶ Дубасов И.И. Бытовые черты Шацкого края по писцовым книгам вотчин великой инокини Марфы Ивановны. С.20-23.
- ¹⁶⁷ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.253.
- ¹⁶⁸ Орлов Н.И. Дворец Петра Великого в Липецке // ИТУАК. Вып.53, ч.2. С.1-6.
- ¹⁶⁹ Курбатов А.А. Лучший экономический порядок в Шацкой провинции // ИТАУК. Вып.44. С.48-54.

- ¹⁷⁰ Дубасов И.И. Шацкая провинция в первой половине XVIII в. // ИТУАК. Вып.39. Отд.1. С.10-19; *он же*. Шацкая провинция в 30-х годах прошлого века // ИВ. 1896. № 8. С.464-478.
- ¹⁷¹ Там же. С.464.
- ¹⁷² Дьяконов П.А. Троицкий уезд в 70-х годах прошлого столетия // ИТУАК. Вып.34, ч.1. С.37-49.
- ¹⁷³ Дьяконов П.А. Торговля пенькой в Шацкой провинции // ИТУАК. Вып.37. С.16-21.
- ¹⁷⁴ Дубасов И.И. О расхищении провиантских магазинов, о лесостреблении, о производительности фабрик Лиона, о малоизвестных монастырях // ИТУАК. Вып.25. С.1-5.
- ¹⁷⁵ Дьяконов П.А. Шацкие медики в 70-х годах прошлого столетия // ИТУАК. Вып.36. С.19-28.
- ¹⁷⁶ Хитров Г.В. Историческая записка о втором Тамбовском духовном училище // ТЕВ. 1878. № 4; Остроумов П. Открытие в Тамбове училища для девиц духовного звания // ТЕВ. 1864. № 1; *он же*. О ректорах Тамбовской семинарии // ТЕВ. 1862. № 9,10; Березнеговский С.А. Тамбовская семинария // ТЕВ. № 1,2; Ястребов И. Участие духовенства в народных школах и постепенный переход церковно-приходских школ в земские в Спасском уезде Тамбовской губернии // ТЕВ. 1883. № 13.
- ¹⁷⁷ См.: Дубасов И.И. К истории тамбовской духовной семинарии // ТЕВ. 1876. № 13. С.366-371; *он же*. Историческая записка о народном образовании в Тамбовской губернии // ТЕВ. 1879. № 15. С.551-565; *он же*. Заметка об упраздненной Троицкой пустыни в с. Троицкой Дубраве Тамбовского уезда и о школьной деятельности духовенства // ИТУАК. Вып.21. С.1-3; *он же*. Первые тамбовские опыты церковно-приходского учительства и его деятели // ИВ. 1890. № 8. С.416-427; *он же*. Церковные просветители Тамбовского края // ИТУАК. Вып.41. С.26-30. *он же*. Постепенное развитие народного просвещения в Тамбовском крае // Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Вып.2. С.103-140; *он же*. Первые опыты училищного дела в Тамбовском крае // Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. 1897. Вып.6. С.127-159.
- ¹⁷⁸ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.405.
- ¹⁷⁹ Там же. С.204.
- ¹⁸⁰ Там же. С.394.
- ¹⁸¹ Там же. С.412.
- ¹⁸² Попов И.В. Краткий очерк народного образования в Тамбовской губернии, 1861-1902 // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов, 1903. С.165-209.
- ¹⁸³ Верещагин П.А. Исторический очерк Александринского института благородных девиц, 1843-1893 // ИТУАК. Вып.38. С.57-101.
- ¹⁸⁴ П.Д. [Дьяконов П.А.]. Первые XV лет деятельности Екатеринбургского института // ИТУАК. Вып.51. С.9-64.
- ¹⁸⁵ Холодный Г.М. Историческая записка о Тамбовской гимназии, 1786-1886. Тамбов, 1886; См. также: Холодный Г.М. К истории Тамбовской гимназии: Тамбовское главное народное училище с 1825 по 1865 гг. Тамбов, 1884.
- ¹⁸⁶ Киреев П.Л. Из истории Тамбовского сельского Покровского народного училища // ИТУАК. Вып.53, ч.1. С.166-174.
- ¹⁸⁷ Щеголев А.А. Из истории деятельности Козловского уездного земства по народному образованию. Тамбов, 1900.
- ¹⁸⁸ Розанов М.Г. Козловское малое народное училище // ИТУАК. Вып.13. С.4-14.
- ¹⁸⁹ Пискарев П.И. Открытие Шацкого народного училища // ИТУАК. Вып.41. С.145-146.
- ¹⁹⁰ Орлов В. Краткие сведения о Тамбовской духовной семинарии // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. С.148-149; Лебедев В.В. Тамбовское епархиальное женское училище // Там же. С.150; *он же*. К пятидесятилетию Тамбовского епархиального женского училища // Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии. 1914. Тамбов, 1914. С.41-62.
- ¹⁹¹ Дубасов И.И. Крестьянские беспорядки в Тамбовской губернии в царствование Павла I // ДНР. 1877. № 3. С.399-401; *он же*. Разбой в Тамбовской губернии в 1798 г. // ИВ. 1881. № 10. С.444-446; *он же*. Чума и пугачевщина в Шацкой провинции // ИВ. 1883. № 7. С.113-135; *он же*. О Разинском бунте в Тамбовской губернии // ИТУАК. Вып.11. С.5-10.
- ¹⁹² Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.234.
- ¹⁹³ Там же. С.339.
- ¹⁹⁴ Дубасов И.И. Чума и пугачевщина в Шацкой провинции. С.113.
- ¹⁹⁵ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.231.
- ¹⁹⁶ Там же. С.243.
- ¹⁹⁷ Подобное представление опровергается советскими исследователями, указывающими, что в городе находились большие запасы боеприпасов, а стрельцы, рейтары и многие дворяне располагали огнестрельным оружием (см.: Степанов И.В. Из истории крестьянской войны 1670-1671 гг.: (Разгром повстанцами правительственных войск под деревней Бойкино и городом Тамбовом 4 декабря 1670 г.) // ИСССР. 1964. № 2. С.150).
- ¹⁹⁸ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.200.
- ¹⁹⁹ Там же. С.202.
- ²⁰⁰ Там же. С.58.
- ²⁰¹ Дубасов И.И. Тамбовская холерная смута в 1830-1831 годах // ИВ. 1887. № 9. С.620-628. О

ходе эпидемии и беспорядках, вызванных недовольством по поводу принимаемых властями мер, в том числе и в Тамбовской губернии, см. также: *Каратыгин П.* Холерный год, 1830-1831: Историческая монография, составленная по печатным материалам и устным рассказам современников. СПб., 1887.

- ²⁰² *Дубасов И.И.* Тамбовский край в конце XVIII и начале XIX столетий // ИВ. 1884. № 10. С.103.
- ²⁰³ *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.378.
- ²⁰⁴ Там же. С.61
- ²⁰⁵ Рец. на: Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. М., 1883. Вып.1-2 // РМ. 1884. № 7. С.21 отд. паг.
- ²⁰⁶ *Орлов Н.И.* Очерк из истории Сарова // ИТУАК. Вып.50, ч.1. С.1-55.
- ²⁰⁷ *Дьяконов П.А.* Бедствия Шацкой провинции в 1774 г. // ИТУАК. Вып.33. С.41.
- ²⁰⁸ Там же.
- ²⁰⁹ *Дьяконов П.А.* О бунте агласовских крестьян // ИТУАК. Вып.27. С.17-19.
- ²¹⁰ См.: *Орлова В.Д. И.И.* Дубасов о крестьянских движениях и крестьянских войнах в Тамбовском крае // Вопросы исторического краеведения Тамбовской области. Тамбов, 1984. С.4-5.
- ²¹¹ *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.194.
- ²¹² Там же. С.202.
- ²¹³ *Березнеговский С.А.* История Тамбовской епархии // ТЕВ. 1861. № 1,2,4,7,9,24-27; *Хитров Г.В.* Историко-статистическое описание Тамбовской епархии; *Красовский И.* Козловский Троицкий монастырь // ТЕВ. 1876. № 9-12; *Кадомский М.* Историко-статистическое описание Богородице-Знаменского Сухоутинского монастыря // ТЕВ. 1864. № 13-19; Описание замечательных монастырей в Тамбовской губернии // Памятная книжка Тамбовской губернии на 1861 г. Тамбов, 1861. С.1-15; *Алмазов А.* Лебедянский Троицкий монастырь // ТЕВ. 1882. № 18-20; *Реморов И.* Древности Кадома Тамбовской губернии и его собора // ТЕВ. 1867. № 2; *Грибановский И.* Историческое описание церкви с. Троицкой Дубровы // ТЕВ. 1874. № 22; *Кобяков И.* Историко-статистическое описание Кадомского женского Милостиво-Богородского монастыря // ТЕВ. 1875. № 8-11.
- ²¹⁴ В 1911 г. Питирим был канонизирован и причислен к лику святых.
- ²¹⁵ См.: *Аленов А.Н.* Иван Иванович Дубасов как историк Тамбовской церкви // Краевед земли Тамбовской. Тамбов, 1995. С.21.
- ²¹⁶ *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.83.
- ²¹⁷ Там же. С.88.
- ²¹⁸ Там же. С.93.
- ²¹⁹ *Дубасов И.И.* К истории Чернеева монастыря; *Ситовский Р.П.* Николаевский Чернеев монастырь // ИТУАК. Вып.11. С.4-8.
- ²²⁰ Комиссия располагала значительным количеством документов, относящихся к истории монастыря. Так, древнейший источник по его истории в собрании ТУАК датировался 1583 г., в то время как сам монастырь был основан в 1573 г.
- ²²¹ *Дубасов И.И.* Заметка об упразднении Троицкой пустыни в с. Троицкой Дуброве Тамбовского уезда и о школьной деятельности духовенства // ИТУАК. Вып.21. С.13; *Дьяконов П.А.* Упраздненный Троицкий монастырь в Тамбовском уезде // ИТУАК. Вып.36. С.19-24.
- ²²² *Дьяконов П.А.* К истории Козловского Троицкого монастыря // ИТУАК. Вып.16. С.13-16.
- ²²³ *Дубасов И.И.* К истории Мамонтовой пустыни. С.8; *он же.* Богородично-Казанский монастырь в г. Тамбове // ИТУАК. Вып.31. С.13-15; *он же.* Историческая записка о Тамбовском Вознесенском женском монастыре по поводу его двухсотлетия // ИТУАК. Вып.31. С.7-12.
- ²²⁴ *Дубасов И.И.* К истории вотчин Новоспасского монастыря в Тамбовском крае // ИТУАК. Вып.15. С.7-9.
- ²²⁵ *Орлов Н.И.* Очерк из истории Сарова; *Шекатов А.М.* Саровская пустынь в описании современника преподобного Серафима // ИТУАК. Вып.51. С.13; *Норцов А.Н.* Краткий исторический очерк Саровской пустыни // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. С.1-9.
- ²²⁶ *Черменский П.Н.* Донские вотчины бояр Романовых. С.43-91.
- ²²⁷ *Хитров Г.В.* Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. С.51.
- ²²⁸ См.: *Чулков В.* Исторический очерк Лебедянского Троицкого монастыря // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. С.122; *Гедеонов М.А.* Лебедянская старина, очерк истории прошлого Лебедянского края // Там же. С.112; *Воейков В.В.* Бояре Романовы – вотчинники Тамбовского края // Там же. С.242; Исторические очерки губернских и уездных городов Тамбовской губернии // Там же. С.152; Описание замечательных монастырей в Тамбовской губернии // Памятная книжка Тамбовской губернии на 1861 г. С.1-2.
- ²²⁹ *Гамаюнов А.И.* Еще раз о Лебедянской вотчине Романовых. С.6.
- ²³⁰ *Черменский П.Н.* Старинные храмы г. Лебедяни // Известия имп. Археологической комиссии. СПб., 1913. Вып.50. С.139-146.
- ²³¹ *Дьяконов П.А.* Земельная тяжба Вышенской пустыни и Кирилло-Белозерского монастыря в конце XVII в. // ИТУАК. Вып.38. С.31-43.
- ²³² *Соколов Ф.С.* Епархиальное подворье мужских монастырей в г. Тамбове // ИТУАК. Вып.44. С.55-98.

- ²³³ *Никольский П.В.* Ружное жалованье соборному причту г. Усмани // ИТУАК. Вып.52. С.113-124.
- ²³⁴ *Попов М.Г.* О церквях г. Борисоглебска и его уезда в начале XVIII в. // ИТУАК. Вып.35. С.48-56; *он же.* Досмотр церковного благочиния Борисоглебского уезда в 1722 г. // ИТУАК. Вып.39. С.41-55; *Сысоев В.А.* История церкви с. Гумен Моршанского уезда // ИТУАК. Вып.46. С.81-87; *Фиксен Б.Г.* Историко-археологическое описание кафедрального Спасо-Преображенского собора в г. Тамбове // ИТУАК. Вып.44. С.99-108.
- ²³⁵ *Соколов Ф.С.* Приснопамятный старец Русской земли подвижник Козельской Оптиной пустыни, отец Амвросий // ИТУАК. Вып.46. С.1-40; *он же.* Письма Оптинского старца Амвросия // Там же. С.1-55 отд. паг.; *он же.* Отец Амвросий, Оптинский старец // ИТУАК. Вып.57, ч.1. С.9-20; *он же.* Юбилейная речь в столетнюю годовщину со дня рождения оптинского старца иеросхимонаха Амвросия // Там же. С.20-25; *он же.* Слово к столетнему юбилею со дня рождения приснопамятного Оптинского старца, иер. Амвросия // Там же. С.26-38.
- ²³⁶ *Соколов Ф.С.* Преподобный Серафим, Саровский чудотворец: Новые данные для жизнеописания его // ИТУАК. Вып.51. С.1-12; *Орлов Н.И.* Очерки из истории Саровской пустыни // ИТУАК. Вып.50, ч.1. С.1-55.
- ²³⁷ *Орлов Н.И.* В каком году скончался Св. Питирим // ИТУАК. Вып.57, ч.1. С.3-9.
- ²³⁸ *Елагин Н.В.* Житие преподобного отца нашего Серафима Саровского Чудотворец. М., 1903.
- ²³⁹ *Введенский С.Н.* Св. Питирим, второй епископ Тамбовский // ТЕВ. 1899. № 51/52. С.1422.
- ²⁴⁰ *Знаменский И.В.* Преподобный Макарий Жабынский // ИТУАК. Вып.28. С.17-63; Вып.30. С.15-72.
- ²⁴¹ *Введенский С.Н.* Тамбовский епископ Леонтий: Очерк из истории русской церкви конца XVII – начала XVIII вв. // ИВ. 1900. № 6. С.937-952.
- ²⁴² *Шеголев А.А.* Тамбовский уроженец Высокопресвященный Владимир, митрополит Киевский и Галицкий // ИТУАК. Вып.58. С.285-293.
- ²⁴³ *Норцов А.Н.* Епископ Феофан как мистик-писатель // ИТУАК. Вып.54, ч.1. С.26-36.
- ²⁴⁴ *Норцов А.Н.* Мистерии древнего мира. Тамбов, 1897; *он же.* Символ чаши в христианской иконографии. Тамбов, 1906; *он же.* Путь солнца в процессе мирового движения. Тамбов, 1909.
- ²⁴⁵ *Дубасов И.И.* Загадочная монахиня // ИВ. 1881. № 3. С.694.
- ²⁴⁶ *Киреев П.Л.* Белая монахиня в Пензе в начале 60-х годов // РС. 1889. № 7. С.163-164.
- ²⁴⁷ *Самоцветов А.И.* Новые сведения о монашине Анне // ИТУАК. Вып.56. С.28-34.
- ²⁴⁸ *Норцов А.Н.* Легенда о монашине Анне // Там же. С.22
- ²⁴⁹ *Хитров Г.В.* Историко-статистическое описание Тамбовской епархии; *Березнеговский С.А.* О начале расколов и ересей в Тамбовской губернии // ТЕВ. 1863. № 3,9-11.
- ²⁵⁰ *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.149.
- ²⁵¹ *Дубасов И.И.* Скопец Будылин // ДНР. 1878. № 7. С.250-251; *он же.* К истории противоцерковных движений в Тамбовской губернии // Там же. № 8. С.311-315; *он же.* К истории Тамбовских духоборцев // ИВ. 1880. № 2. С.446-447; *он же.* Противоцерковные движения в Тамбовской губернии // ИВ. 1881. № 8. С.783-805; *он же.* Моршанские скопцы 1812-1869 гг. // РС. 1882. № 6. С.777-785; *он же.* Скопические песни // ИТУАК. Вып.20. С.3-8.
- ²⁵² *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. 1993. С.158.
- ²⁵³ *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. М., 1883. Вып.1. С.53.
- ²⁵⁴ *Дубасов И.И.* О книге «Сказание о чудесах Богородицы» // ИТУАК. Вып.3. С.2-11; *он же.* Книга почтаевского издания «Сказание о вольном страдании и о тайной вечери Господа нашего Иисуса Христа» // ИТУАК. Вып.8. С.5-15; *он же.* Об апокрифической книге космогонического характера, пожертвованной в архивную комиссию // ИТУАК. Вып.19. С.1-6; *он же.* Апокрифическая книга 1658 года о чудесах Пресвятыя Богородицы // ИТУАК. Вып.41. С.22-25.
- ²⁵⁵ См.: *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. 1887. Вып.4. С.126-166.
- ²⁵⁶ Там же. С.126.
- ²⁵⁷ *Дубасов И.И.* Из Тамбовской народно-отреченной литературы // ИВ. 1882. № 6. С.693-695.
- ²⁵⁸ *Заринский В.А.* Книга глаголемая Лусидориос или многоценный бисер // ИТУАК. Вып.7. С.69-73.
- ²⁵⁹ *Фиксен Б.Г.* Легенда о рождении Иуды предателя: Сказание учителя церковного Иеронима святого о Иуде предателе Господа нашего Иисуса Христа // ИТУАК. Вып.44. С.109-116.
- ²⁶⁰ См.: *Янин В.Л.* Генеалогия и геральдика // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. С.633; *Елпатьевская А.В.* О документальных источниках современных историко-биографических и генеалогических исследований // АЕ за 1971 год. М., 1972. С.73.
- ²⁶¹ *Савелов Л.М.* Лекции по русской генеалогии... С.21.
- ²⁶² Там же. С.10.
- ²⁶³ *Кобеко Д.Ф.* Крестьянская ветвь рода Строгановых // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1909. Вып.III. С.67-77; *Чулков Н.П.* Московское купечество XVIII и XIX веков: генеалогические заметки // РА. 1907. № 12. С.489-502; *Терентьев П.Н.* Материалы к истории Прохоровской трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. Годы 1799-1915. М., 1915; Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. М., 1903. Ч.1.

²⁶⁴ См.: Аксенов А.И. Очерк истории генеалогии в России // История и генеалогия: С.Б.Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С.79.

²⁶⁵ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч.1; Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. СПб., 1873-1875. Т.1-2; 2-е изд. СПб., 1895. Т.1-2; Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886-1887. Т.1-11.

²⁶⁶ Ельчанинов И.Н. Материалы для генеалогии ярославского дворянства. Ярославль, 1910. Ч.1; Милорадович Г.А. Родословная книга черниговского дворянства. СПб., 1901. Т.1-2; Савелов Л.М. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию тульского дворянства. М., 1904; Московское дворянство: Родословная книга дворянства Московской губернии /Под ред. Л.М.Савелова. М., 1914. Т.1. Дворянство жалованное и выслуженное. А-И.

²⁶⁷ Норцов А.Н. Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства (с гербами, портретами и таблицами) // ИТУАК. Вып.47. С.2 отд. паг.

²⁶⁸ Там же. С.18 отд. паг.

²⁶⁹ Норцов А.Н. Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства (с гербами, портретами и таблицами) // ИТУАК. Вып.47.

²⁷⁰ Там же. С.75 отд. паг.

²⁷¹ РГАДА. Ф.1293. Оп.1. Д.2. Л.122 об.

²⁷² Там же. Л.128 об.

²⁷³ Савелов Л.М. Документы рода Савеловых по Тамбовской губернии // ИТУАК. Вып.50, ч.2. С.27-47.

²⁷⁴ Губастов К.А. Бланк: Тамбовская ветвь // ИТУАК. Вып.57, ч.1. С.287-289.

²⁷⁵ Арсеньев В.С. Графы Санти и де Шамборан // ИТУАК. Вып.51, ч.1. С.81-90; *он же*. Маркизы де-ла Губле // ИТУАК. Вып.52, ч.1. С.37-42; *он же*. Род дворян Волжиных // Там же. С.43-68; *он же*. Род дворян Кенсона // Там же. С.69-70; *он же*. Дворянские роды Арсеньевых, не принадлежащие к потомству Аслана-Мурзы-Челебея // ИТУАК. Вып.53, ч.2. С.7-22; *он же*. Род Шаблыкиных // Там же. С.23-28; *он же*. Бюцовы // Там же. С.29-30; *он же*. Дополнительные сведения к помещенным в Известиях Тамбовской ученой архивной комиссии (вып. 50-53) родословиям графов Санти, маркизов де-ла Губле, Бюцовых, Арсеньевых, Шаблыкиных // ИТУАК. Вып.54, ч.1. С.37-54.

²⁷⁶ Рудаков В.Е. Рец. на: Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1906. Вып.52 // ИВ. 1908. № 6. С.1082-1083.

²⁷⁷ Воейков Ю. Родословие Чичериных // ИТУАК. Вып.56, ч.1. С.45-62; Норцов А.Н. Дополнение к родословию Чичериных // Там же. С.63-67.

²⁷⁸ Карташов И.М. Библиографические записки по истории некоторых дворянских фамилий, поместных по Тамбовской губернии // ИТУАК. Вып.58. С.247-262.

²⁷⁹ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. 1883. Вып.2. С.1.

²⁸⁰ Тамбовская губерния в 1812-1813 гг.: рефераты, статьи и документы // ИТУАК. Вып.56. С.120-324.

²⁸¹ Аносов И.А. Призренский протоиерей Стефан Березнеговский, историк Тамбовского края. Тамбов, 1915.

²⁸² Ларин Н.В. Протоиерей Г.В.Хитров // ИТУАК. Вып.58. С.275-281.

²⁸³ Щеголев А.А. Памяти Петра Ивановича Пискарева, почетного члена Тамбовской ученой архивной комиссии // ИТУАК. Вып.50, ч.3. С.1-10; *он же*. Памяти И.И.Дубасова // ИТУАК. Вып.56, ч.1. С.1-13.

²⁸⁴ Черменский П.Н. Очерки по истории колонизации Тамбовского края. С.278.

Глава IV

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ И ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

1. Исследование губернии в археологическом отношении

Тамбовская комиссия не ограничивала свою деятельность собиранием и изучением письменных источников, но активно включала в круг своих исследований вещественные памятники. Подобный подход к пониманию учеными архивными комиссиями своих задач был обусловлен предписанием Комитета министров от 1884 г. об изучении ими «различных памятников старины» и логически вытекал из того содержания, которое вкладывалось в XIX в. в понятие «археология». В силу расширительной трактовки ее предмета, включавшего изучение различных видов исторических источников, как документальных, так и вещественных, ГУАК были обречены на комплексное сочетание в своей деятельности функций историко-архивного и историко-археологического обществ. Весьма характерна в этой связи точка зрения А.Н.Норцова, указавшего в одной из своих статей на «родство археологии с архивами и архивной наукой вообще» и как результат – на «кровное родство археологии с архивными комиссиями».¹ В то же время существовал и другой подход к задачам ученых комиссий, наиболее определенно выраженный членом Нижегородской ГУАК В.Г.Короленко. Он полагал, что основной задачей архивных комиссий является формирование исторических архивов, разбор и описание архивных дел, а не изыскания в области материальной культуры, отвлекающие, на его взгляд, силы сотрудников. На этом основании Короленко выступал против проведения раскопок силами комиссий и создания при них музеев. Признавая важность собирания и исследования вещественных памятников старины, он считал это делом специалистов, а не дилетантов из состава ГУАК.²

Однако, будучи зачастую единственными в регионе историческими обществами, большинство ученых архивных комиссий понимали свою ответственность за сохранение всех категорий памятников местной старины. На этом основании их представители отвергли прозвучавшее на